

ОБЪЕДИНИТ ЛИ ИХ ОДНА НОЧЬ?..
ИЛИ УНИЧТОЖИТ?

18+

ПРИГОВОРЕННЫЕ

К Любви

Шивон Дэвис

Love & Mafia

Шивон Дэвис

Приговоренные к любви

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-3 (73)
ББК 84(7Coe) 44

Дэвис Ш.

Приговоренные к любви / Ш. Дэвис — «Издательство АСТ»,
2021 — (Love & Mafia)

ISBN 9978-5-17-155564-1

Беннетт Маццоне вырос, не зная правды: он незаконнорожденный сын самого могущественного босса мафии в Нью-Йорке. Пока его отцу не пришлось в голову втянуть его в мир, где власть, богатство, насилие и жестокость – единственная валюта. Бен не может поверить, что младшая сестра его бывшей девушки совсем взрослая, потрясающе красивая и близка к тому, чтобы быть съеденной одними из самых безжалостных мужчин, которых он когда-либо знал. Поездка в Вегас направлена на укрепление деловых связей, но он не позволит своим партнерам разрушить ее совершенство... Хотя это обойдется дорого, спасение Сьерры – его единственный выбор. Когда паутина обмана, наконец, раскроется, Бен не остановится ни перед чем, чтобы защитить Сьерру. Даже если любовь к ней делает его бессильным. В мире, где женщины служат единственной цели, а мафиозные союзы означают разницу между жизнью и смертью, может ли он бороться за любовь и победить?

УДК 821.111-3 (73)

ББК 84(7Coe) 44

ISBN 9978-5-17-155564-1

© Дэвис Ш., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глоссарий мафии	6
Пролог	7
Часть 1. Восемь лет спустя	13
Глава 1	13
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	29
Глава 5	32
Глава 6	35
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	54
Глава 11	58
Глава 12	62
Глава 13	66
Глава 14	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Шивон Дэвис
Приговоренные к любви

Siobhan Davis
CONDEMNED TO LOVE

Copyright © 2021. Condemned to Love by Siobhan Davis.
© Хованова Н., перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глоссарий мафии

Братва – русская мафия в США.

Дон или **босс** – глава криминальной семьи.

Законы РИКО – «Закон о коррумпированных и находящихся под влиянием рэкетиров организациях» – федеральный закон, принятый в 1970 году. Позволяет прокурорам добиваться более суровых наказаний, если они доказывают, что подсудимый является членом мафии.

Капо – по-итальянски «командир». Член криминальной семьи, возглавляющий команду солдат.

Коза Ностра – преступная организация, орудующая в США и состоящая из итало-американских криминальных семей.

Комиссия – руководящий / правящий орган Коза Ностры, заседающий в Нью-Йорке – столице организованной преступности США.

Консильери – по-итальянски «советник» или «консультант». Член криминальной семьи, который дает советы боссу и разрешает споры.

Мафиозо / мафиози – официальный член мафии, посвященный в криминальную семью.

Мафия – Коза Ностра / криминальная семья.

Омерта́ – кодекс молчания в мафии. Нарушение омерты обычно карается смертью.

Подручный – заместитель босса в криминальной семье, посвященный член мафии, который тесно работает с боссом и подчиняется ему напрямую.

Пять семей – пять криминальных семей, правящих в Нью-Йорке, каждую возглавляет босс.

Солдат – член мафии низкого ранга, который подчиняется капо.

Триада – китайский криминальный синдикат.

Филиал – чикагское подразделение Коза Ностры.

La famiglia / famiglia – «семья» по-итальянски.

Soldati – «солдаты» по-итальянски.

Пролог

Сьерра

– Ты можешь сделать мне предложение, – говорит Саския Бену, хлопая ресницами, словно она белая и пушистая, достойная замужества девушка, а не бессердечная стерва-манипуляторша, которая обожает надо мной издеваться при каждом удобном случае.

Прищурившись, она бросает взгляд поверх плеч Бена в мою сторону. Я убираю голову обратно в темную нишу и сильнее вжимаюсь спиной в стену, молясь, чтобы сестра не обнаружила, что я за ними слежу. Если она узнает, что я подслушивала ее отвратительные попытки окольцевать своего парня, мне это дорого обойдется.

– Что? – мямлит Бен, и у него вырывается сдавленный смешок. – Ты же не всерьез?

Я слышу в его голосе явное недоверие, и захлестнувшая меня паника постепенно стихает. Потираю сдавленную грудь. Жаль, что я не вижу его лица и не знаю, задумался ли он хоть на секунду над ее смехотворным предложением. Я часто гадала, как может Бен так долго выносить мою старшую сестру. Я не сомневалась, что он даст ей от ворот поворот в первые же недели. Но они встречаются уже год. По-моему, за такое долгое терпение ему нужно вручить золотую медаль.

– А почему бы не всерьез? – огрызается Саския более привычным мне тоном.

– Начнем с того, что тебе двадцать, а мне двадцать один, – отвечает Бен примирительно.

– Мы взрослые, – сердится Саския, а я закатываю глаза.

Она частенько мне такое заявляет. «Сьерра, я взрослая, а ты еще ребенок. Ты будешь делать как я говорю, или я скажу папе, что ты опять набедокурила».

Я сжимаю кулаки. Жаль, что между мной и сестрами такая разница в возрасте. Может, если бы они были меньше, то не считали бы меня младшей сестренкой, от которой одни неприятности, а я бы не чувствовала себя чужой в собственной семье.

По-настоящему меня понимает только мама.

Для сестер я досадная помеха.

Для отца – несчастный случай, который вечно вносит разлад в его идеальную жизнь, потому что не хочу подстраиваться.

Пусть мне всего тринадцать, и я еще не разобралась как следует в самой себе, но уже знаю достаточно, чтобы хотеть идти по жизни собственным путем. Не следовать послушно планам, которые наметил для меня отец – как сделал для обеих моих сестер – только потому, что мы должны сохранять лицо как дочери одного из самых богатых, влиятельных и успешных бизнесменов в Соединенных Штатах.

Да пошло оно все.

Благодарю покорно, я выберу собственный путь в жизни.

А если он от меня откажется, то так тому и быть. Пусть лучше меня прогонят, и я буду вольна принимать собственные решения, чем жить богатой и несчастной.

– Достаточно взрослые, чтобы голосовать, заниматься сексом и вступать в брак, – добавляет Саския, и я снова прислушиваюсь к их разговору.

Бен прочищает горло.

– Только не говори, что ты предлагаешь пожениться лишь затем, чтобы заняться сексом.

От такого поворота беседы у меня вспыхивают щеки, а в животе возникает странный трепет. Это ощущение появляется всякий раз, когда я мечтаю о Беннете Карвере.

Уверена, есть какие-то правила насчет того, что нельзя отбивать парня у сестры, и, наверное, меня ждет наказание за непристойные мысли, но не могу ничего поделать: мне нравится Бен, потому что он удивительный. И чертовски привлекательный. Не могу отрицать, я фантазировала о том, как запущу пальцы в его густые темно-каштановые волосы – я видела, что так делает Саския, или утону в его пронзительных голубых глазах. А еще я представляла, каково прикасаться к нему и целовать его. Щеки вспыхивают еще жарче, кажется, будто они горят огнем, и я прижимаю к лицу холодную и потную ладонь, желая погасить пламя.

Моей сестре очень повезло, потому что Бен потрясающий. Дело не только во внешности, он милый, добрый и забавный, и он обращается со мной как с достойным человеком, а не как с какой-то гадостью, прилипшей к подошве ботинка.

Он видит меня. Как и мама. И за это я его люблю.

– Я предлагаю не поэтому, – Саския понижает голос, и ее хрипотца действует мне на нервы. – На самом деле я решила, что больше не хочу ждать. Я хочу тебя.

К черту последствия. Мне нужно видеть, что происходит. Я осторожно высовываю голову из ниши и подавляю боль при виде того, как сестра, обвив руками шею Бена, поглаживает редкие волоски на его загривке и смотрит на его губы так, будто хочет сожрать парня заживо.

– Я думал, ты ждала брачной ночи, – отвечает Бен спокойным, ничего не выражающим тоном.

– Я передумала, – мурлычет она, прижимаясь к нему всем телом.

Бен опускает руки на ее бедра, и я хмурюсь. Хочется ринуться в комнату и оторвать его от нее.

– Почему?

– Это так важно? – В ее голосе сквозит раздражение. – Я позволю тебе переспать со мной. Разве не этого ты хотел все это время?

Бен отпускает ее и шагает назад, проводя рукой по волосам.

– Я уважал твои желания, Саския, и никогда на тебя не давил. Не делай вид, будто я вынуждаю тебя что-то делать.

– Почему с тобой все так сложно? – шипит она, складывая на груди руки и сердито глядя на него.

– Что за черт? – Он выдавливает смешок. – У тебя хватает нахальства обвинять меня после того, как только что предложила пожениться? Ты хотя бы слышала, как бредово это прозвучало?

– Не смейся над моими чувствами. – Она выпячивает губу, и я опять закатываю глаза. – Я люблю тебя и знаю, что мы созданы друг для друга, так зачем ждать?

– Ого. – Бен делает еще шаг назад и снова проводит рукой по волосам. – С меня довольно. Я пришел отвести тебя поужинать, но мне все больше кажется, что угодил в ловушку.

– А теперь ты драматизируешь, – Саския тычет его в грудь пальцем.

У меня заболят глаза, если я закачу их еще сильнее.

– Может, лучше отложим это на другой вечер, – говорит Бен, и Саския на миг тревожно расширяет глаза.

– Не делай из мухи слона, – она подходит к нему вплотную и прижимает руки к его груди в черной рубашке на пуговицах. – Мы же не можем праздновать нашу первую годовщину в другой вечер.

На лице Саскии появляется напускная приторная улыбка, при виде которой у меня всегда создается впечатление, будто она страдает запором.

– Забудь, что я сказала. Поговорим об этом позже.

Бен громко вздыхает в тишине комнаты, но, похоже, видит на ее лице что-то такое, что скрепляет сделку.

– Ладно. Тогда пойдем развлечемся.

Он убирает прядь ее волос за ухо, а мне хочется оторвать его пальцы от сестры. Мне ненавистно то, что она чувствует его прикосновения. Мне хочется быть старше, чтобы я могла бороться с ней за него, потому что из меня вышла бы подруга получше.

– Я еще не собралась, – говорит Саския, делая шаг к двери.

Не желая слышать окончание разговора, я выскальзываю из ниши и покидаю комнату. Шлепая босыми ногами, я тороплюсь в свою студию, пока сестра не вышла и не засекла меня.

Двадцать минут спустя, позабыв о ней и Бене, я широкими мазками рисую на холсте яркие цветные завитки.

Несколько лет назад мама сделала для меня художественную студию в одной из ненужных комнат, и теперь это мое убежище в нашем чудовищном доме. Если у меня плохой день или мне что-то досажает, я запираюсь здесь и выпускаю пар, рисуя. Я не ограничиваю себя и без разбора экспериментирую со всем, что привлекает мою творческую сторону. Мама потакает моим капризам, и я беру уроки живописи, акварели, гончарного дела и изготовления украшений. Сейчас я хожу на уроки фотографии и с удовольствием осваиваю новенький «никон», который мама купила мне на день рождения.

Но сегодня мне хочется выразить себя в рисовании. Широкие окна студии выходят в сад за домом, и мне нравится открывающийся вид. Я начала рисовать красивый ухоженный газон и аккуратные цветочные клумбы, но сейчас я даю волю своей творческой жилке, и картина превращается в безумные цветные пятна, мазки и точки.

В реальный мир меня возвращает настойчивый стук в дверь. Когда она открывается и в студию заглядывает Бен, мои губы растягиваются в широкой улыбке.

– Я не мешаю гению работать? – подтрунивает он с ослепительной улыбкой, от которой у меня замирает сердце.

– Мешаешь, но я не против.

Я кладу кисть на мольберт, вытаскиваю из пачки влажную салфетку и иду к двери, на ходу вытирая пальцы.

Бен протискивается в комнату, оставляя дверь полуоткрытой.

– Это хорошо, потому что я тебе кое-что принес.

Он идет ко мне, протягивая небольшую коробку, и его улыбка становится шире.

Я взвизгиваю и хлопаю в ладоши.

– Они снова открылись?

Моя любимая кондитерская закрылась без объяснений несколько недель назад, и я уже не надеялась когда-нибудь снова попробовать их восхитительные кексы.

Бен кивает и вручает мне коробку.

– По пути сюда я заметил в кондитерской свет, остановился и прихватил пирожное для моего любимого Светлячка.

Он ерошит мои волосы, и по всему моему телу разливается тепло.

Открыв коробку, я позволяю своим длинным светлым волосам повиснуть вокруг лица, чтобы скрыть румянец на щеках.

– Красный бархат. Вкуснятина!

Я сую указательный палец в мягкую сладкую глазурь.

– Это же твои любимые? – Он прислоняется к длинному столу позади нас.

– Эти и их...

– Трюфеля с арахисовым маслом, – заканчивает он.

Я награждаю его улыбкой и облизываю палец.

– Ты хорошо меня знаешь.

– Думаю, да, – сдвинув брови, он осматривает комнату. – Черт, Светлячок, ты всерьез увлеклась фотографией. Снимки потрясающие.

Я вся таю от его похвалы. Развернувшись, внимательно изучаю фотографии, беспорядочно развешанные на дальней стене.

– Я еще учусь технике, но это прикольно. Мне нравится.

– Ты такая талантливая.

Оттолкнувшись от стола, он подходит к стене и проводит пальцем по новейшим добавлениям к моей настенной выставке. Я скопировала кадр из фильма о Гарри Поттере: высоко в небо возносится замок Хогвартс в окружении дремучего зеленого леса. В течение нескольких месяцев под настроение я подрисовывала новые детали.

– Ты добавила Гарри, – говорит Бен, оглядываясь на меня через плечо.

– И Гермиону с Роном, – подойдя к нему, я показываю маленькие фигурки в небе, летящие на метлах. – После аттракционов в «Юниверсал Студиос» пришлось добавить игру в квиддич.

Я обвожу пальцем округлый край золотого снитча и довольно улыбаюсь.

Бен и рисование делают меня счастливой, и в этот момент я могу взорваться от радости.

– Сьерра, ты черпаешь вдохновение отовсюду. Я был бы не прочь посмотреть на мир твоими глазами.

– Мир – это одно бескрайнее море вдохновения. Как могу я не вдохновляться каждую секунду каждой минуты каждого дня?

Он наклоняется, его великолепное лицо оказывается рядом с моим, и я забываю как дышать.

– Думаю, ты сама вдохновляешь, Светлячок.

Очень осторожно он заправляет мне за ухо прядь волос, и мои щеки вспыхивают. Но я борюсь со смущением и выдерживаю его взгляд, а он восторженно улыбается.

– Никогда не меняйся.

– Э... не буду, – хрипло отвечаю я и расстраиваюсь, когда он выпрямляется и отходит назад.

– Я подумала, что ты можешь быть здесь, – говорит Саския.

Я подскакиваю от неожиданности и тоненько взвизгиваю.

– О боже. Ты меня напугала.

Она прищуривается.

– Нехорошо подслушивать личные разговоры, правда? – спрашивает она, ясно давая понять, что ей известно о моей слежке.

– Бен принес мне пирожное, – резко отвечаю я, показывая ей коробку.

– Ты растолстеешь, – протягивает она, оглядывая меня с головы до пят. – А лишние фунты тебе ни к чему. Ты и так уже пухленькая в талии.

Я вспыхиваю и заливаюсь краской от обжигающего смущения. Я борюсь со слезами – не хочу, чтобы она видела, как сильно меня задела. Как она могла сказать такое при Бене?

– Саския, не будь такой жестокой, – говорит Бен.

Мне нравится, как быстро он всегда встает на мою защиту. Он мой герой, и я всегда буду боготворить землю, по которой он ходит. Он поворачивается ко мне, и его лицо смягчается.

– Ты идеальна такая, как есть.

Он гладит меня по голове, и мое смущение мигом проходит.

– Я просто стараюсь воспитывать мою младшую сестренку. Мир – жестокое место. – Саския пересекает комнату и переплетает пальцы с пальцами Бена, а я стискиваю зубы. – А на толстых цыпочек клюют только противные стариканы.

Она гладит меня по голове, но в ее жесте так и сквозит снисходительность.

– Так что жуй свое калорийное пирожное, Светлячок, но не вини меня, когда станешь одинокой толстушкой.

Бен выдергивает руку из пальцев Саскии, но это приносит мне лишь кроху радости, потому что ее обидные слова и злой взгляд пронзают стены, за которыми я прячусь, и ее удар сильно ранит.

Я знаю, что в последнее время немного прибавила в весе, но только потому, что у меня еще не начался скачок роста. Я самая маленькая в классе, и большинство моих друзей выше меня. Мама сказала, что не стоит беспокоиться по этому поводу, вес уйдет, когда я вытянусь. Обычно я горжусь тем, что не помешана на своей внешности, в отличие от Саскии и Серены, которые часами торчат перед зеркалом, но я недостаточно сильна, чтобы защищаться от таких ужасных нападков. Я думала, что старшие сестры должны защищать младших, а не проявлять беспричинную грубость и жестокость.

– Саския, ты переходишь границы, – говорит Бен сквозь зубы. – Извинись перед Сьеррой. Она фыркает.

– Ты мой парень, а не отец, я не буду извиняться за то, что была честна. Бог свидетель, Сьерра не задумывается о чувствах других, когда выкладывает, что у нее на уме.

Бен открывает рот – наверное, чтобы снова меня защитить, но на этот раз я его перебиваю.

– Я в порядке, Бен. Я привыкла к воспитательным методам Саскии. И меня не волнует, что она говорит, – лгу я, запихивая кекс в рот и пытаясь испепелить сестру взглядом.

Она смотрит на меня с отвращением и уже собирается что-то сказать – конечно, чтобы оскорбить, но замирает с открытым ртом, как рыба на суше, когда Бен бросает на нее мрачный и какой-то пугающий взгляд.

– Может, покончим с этим? – спрашивает она через пару секунд, взяв себя в руки.

Бен что-то бормочет себе под нос, его грудь вздымается, и он кивает.

Проглотив вкуснейшую воздушную субстанцию, я бегу к столу и хватаю отложенный в сторону рисунок, а потом бросаюсь к двери, пока они не ушли.

– Спасибо за пирожное, – говорю Бену и сую рисунок ему в руки. – Я нарисовала это для тебя.

Он с улыбкой берет бумагу, внимательно разглядывая картинку, которую я придумала специально для него.

– Светлячок, который излучает свет и энергию, прямо как девочка, которая его нарисовала, – говорит он.

Я стараюсь не расстраиваться от слова «девочка», но трудно не падать духом. Я знаю, что мои чувства останутся без ответа, а подобные слова разрушают иллюзию. И все же я предпочла бы пребывать в блаженном неведении, когда дело касается Беннета Карвера.

– Спасибо, Сьерра. Я тебя люблю.

Он наклоняется и запечатлевает легкий поцелуй на моей щеке. Мои ноги едва не подгибаются. Саския за его спиной самодовольно ухмыляется, а заносчивое выражение ее лица говорит о том, что ей известно о моей влюбленности в ее парня.

– Я буду его беречь, – добавляет Бен.

Саския закатывает глаза.

– Дурацкий рисунок от впечатлительного влюбленного ребенка. Только не делай вид, будто это шедевр.

– Ты законченная стерва, а мое терпение имеет свои пределы, – говорит ей Бен, и у него такой вид, будто он готов свернуть ей шею.

Не уверена, что расстроюсь, если он это сделает.

– О, расслабься, – Саския пытается отделаться смехом. – Ты сегодня такой напряженный.

Она хватается за плечи и мурлычет:

– Но после ужина я могу с этим помочь.

Мне становится дурно.

– Неужели ты умрешь, если будешь вести себя прилично? – спрашивает он, переводя взгляд с Саскии на меня.

– Я прилично себя веду, – протестует она, и я с трудом подавляю желание закатить глаза. – И правда не могу взять в толк, почему тебя это волнует. Она же не твоя младшая сестра.

На его челюсти дергается мышца, и я про себя радуюсь тому, что у сестры сегодня язык как помело. Может, Бен наконец опомнился. Может, он собирается порвать с ней. Боже, надеюсь на это, потому что он заслуживает гораздо большего.

Но моя радость быстро меркнет, как только я соображаю, что это будет значить. Я больше его не увижу. Он не будет приносить мне кексы из кондитерской «Маунтейнвью». Не будет говорить со мной о моем творчестве или спрашивать, как дела в школе, а я лишусь человека, который, похоже, проявляет интерес к моей жизни.

Но я могу пойти на такую жертву, если это означает, что он освободится от ведьмы и найдет хорошую девушку, которая будет его ценить.

– Если бы у меня был брат или сестра, – говорит Бен, – я бы заботился о нем или о ней и делал бы все, чтобы воспитать в них уверенность, а не сломить. Ты не понимаешь, как тебе повезло.

– А ты не понимаешь, как повезло тебе, что ты единственный ребенок, – возражает она.

Бен убирает с себя ее руки, и я вижу, что он с трудом сдерживается.

– Давай просто уйдем, чтобы не опоздать на ужин, – говорит он после нескольких секунд молчания. Поворачивается ко мне в последний раз и награждает чудесной улыбкой. – Доброй ночи, Светлячок.

– Доброй ночи, Бен.

Может, в тот вечер у меня проснулось шестое чувство, но тогда я видела Бена в последний раз. Менее чем через неделю он загадочным образом пропал. Исчез, никому ничего не сказав, бросил свою девушку, не известив ее, рассерженную и с разбитым сердцем.

Много лет я гадала, что с ним стряслось. В безопасности ли он. Счастлив ли. Пока мне не удалось позабыть его и выбросить из головы.

Я никогда не думала, что встречу его вновь.

Никогда не думала, что ему придется меня спасать.

И уж точно никогда не думала, что буду его бояться.

Часть 1. Восемь лет спустя

Глава 1

Сьерра

– До дна, детка! – ревет Эсме, стараясь перекрыть оглушительный шум в клубе. – Пора в первый раз официально напиться.

– Хорошо, что теперь все законно.

Больше никаких фальшивых удостоверений личности. Ура! Быстро слизнув соль с руки, я опрокидываю рюмку текилы и морщусь, когда она обжигает горло.

– Теперь нам всем двадцать один, – заявляет Пенелопа и вздрагивает, осушив свою рюмку. – Теперь весь мир в наших руках.

Я последняя среди подруг отмечаю этот рубеж, поэтому мы решили отпраздновать с шиком. Вот почему мы сейчас сидим в одном из лучших ночных клубов Города грехов, разодетые в пух и прах и готовые веселиться с большой буквы.

– Говорит девушка, которая уже помолвлена, – отзывается Эсме, выгибая изящную бровь и перекидывая через плечо длинные волнистые волосы.

– Черт побери, какое отношение к этому имеет помолвка? – спрашивает Пенелопа, прищуривая теплые карие глаза.

– Никакого. – Я таращусь на них, качая головой. – Вы вообще тут не при чем. Это мой день рождения, мы в Лас-Вегасе, бесплатно благодаря моим родителям, и это территория, где споры запрещены. Никаких ссор на моем дне рождения, ясно?

Я грожу им пальцем.

Я души не чаю в этих девчонках. Они для меня сестры в большей мере, чем Саския и Серена, и они препираются как настоящие сестры. Трудно найти двух более разных девушек, но мы очень близки еще со средней школы, и я не представляю мою жизнь без них. Они не дали мне забиться в угол, когда родные довели меня до безумия.

– Что, нужно было разыграть карту именинницы? – усмехается Эсме и тянется к подносу с коктейлями, который официант ставит на наш стол. Благодарит одними губами и одаривает красавчика фирменной игривой улыбкой.

Эсме – обалденная красотка с густыми темно-рыжими волосами и поразительными зелеными глазами, которые горят ярче, чем мои изумрудные, однако любого мужчину, остановившего на ней взгляд, она соблазняет своим личным обаянием. Эсме знает, чего хочет, и берет это. Мне нравится думать, что мы похожи в этом отношении, но я не пружина, когда добиваюсь желаемого.

– Хорошо. Ты выиграла, – с готовностью уступает Пенелопа.

Она не из тех, кто таит обиду. Большеглазая, миниатюрная, но с соблазнительными изгибами во всех нужных местах и прямолинейная в разговоре, Пен не менее привлекательна, чем Эсме. Согнувшись на низком красно-черном бархатном диване, она целует Эсме в щеку и берет у нее коктейль с водкой.

– Люблю тебя, крошка.

– Я тебя тоже.

Эсме целует ее и протягивает мне «Космополитен». Остальные пять девушек на нашей вечеринке – подруги из Чикаго и из колледжа – разбирают коктейли, пока поднос не пустеет.

Мы болтаем, смеемся, пьем, и меня охватывает приятное опьянение. Поездка в Вегас была гениальной идеей, и я обязана Эсме за организацию путешествия. Знаю, что Пен тоже помогала, но она по горло занята приготовлениями к свадьбе, и Эсме, не желая ее загромождать, взяла львиную долю работы на себя. Я бы помогла, если бы они позволили, но девчонки хотели сохранить в секрете все подробности, пока мы не прибудем на место.

– Давайте танцевать, – тянет меня за локоть Тамми.

Некоторые девушки уже встают из-за стола. Мы в нижнем уровне клуба, и Эсме заплатила за столик на всю ночь.

– Идемте.

Я встаю, поднимаю плечо и смотрю на Пен и Эсме. Без моих лучших подруг я танцевать не буду. Девчонок не нужно подстегивать, они осушают свои бокалы и выходят в основную часть большого клуба.

В клубе полно людей. Хотя освещение слабое, я впитываю окружающую обстановку, восхищаясь вниманием к деталям. Надеюсь, тот, кто спроектировал это место, получил жирный бонус. Здесь обыграна тема огня, и отделка представляет смесь разных материалов и цветов – всё в различных оттенках красного, оранжевого, черного и золотого. Над головами висят роскошные хрустальные люстры, и очевидно, что на них не сэкономили. От танцпола по залу тянутся разноцветные стробоскопические огни, взрываясь вспышками света.

Мы идем к огромному танцполу через главный зал, лавируя в толпе. Пульсирующие ритмы из большой кабинки диджея отражаются от стен. Кабинка находится на поднятой платформе, и через определенные интервалы большой экран проецирует на танцпол иллюзорное пламя. Улыбаясь, я пялюсь на потолок и присоединяюсь к подругам. Мы поднимаем руки и подпрыгиваем, пытаюсь дотронуться до огненной проекции.

Несколько песен мы танцуем, собираем восхищенные взгляды, но меня никто не привлекает настолько, чтобы с ним флиртовать. Я расширяю поиски добровольной жертвы и осматриваю другую сторону танцпола.

– Нашла кого-нибудь по вкусу? – спрашивает Эсме, заметив мои маневры.

– Еще нет, но время детское.

Я сдвигаю брови, а она улыбается и берет меня под локоть.

– Пойдем поохотимся. Тебе определенно нужно с кем-то переспать. Это практически обряд посвящения.

Я закатываю глаза, подхватываю Пен под руку, и Эсме тянет меня прочь с танцпола.

– Что мы делаем? – спрашивает Пенелопа, когда Эсме останавливается возле бара.

Протиснувшись вперед, Эсме хватает одного из барменов и кричит ему заказ, полностью сознавая, что в ее спину вонзаются кинжальные взгляды других мучимых жаждой посетителей.

– Охотимся, – ухмыляюсь я, разглядывая парней, что околачиваются вокруг бара.

– Я пойду с вами, – предлагает Пен. – Я знаю, на что вы похожи, если предоставить вас самим себе.

– Можешь помочь проверить их на благонадежность, – соглашаюсь я, потому что у Пен отличный радар на дерьмо и может учуять говнюка за милю.

– Тебе никогда не казалось, будто ты что-то упускаешь? – К нам подходит Эсме, протягивая бокалы с клюквенной водкой.

– Эсме. – Я бросаю на нее предостерегающий взгляд. – Ты же обещала.

– Я не собираюсь ворошить осиное гнездо, клянусь. Просто любопытно.

– Тебе не по душе Эрик или то, что в двадцать один год я помолвлена? – спрашивает Пенелопа.

Они что, решили нарушить мои правила?

– Дело не в Эрике. Он мне нравится, и даже очень. Он тебе подходит, – отвечает Эсме.

– Тогда сколько можно меня доставать? – спрашивает Пен, пока отрывается от коктейля.

– Просто боюсь, что тебе чертовски надоест замужество в таком раннем возрасте. Не хочу, чтобы ты совершила ошибку.

Я знаю, что Эсме так говорит из добрых побуждений, но также знаю, чем вызвано ее беспокойство.

– Пен – не твоя сестра, а Эрик – не тот кобель, за которого она вышла.

Лицо Пен смягчается.

– Я знаю, что ты просто переживаешь за меня, я тебя за это люблю, но я знаю, что делаю. Я люблю Эрика. Он моя вторая половинка, и мне никто его не заменит.

– Верити тоже считала того засранца своей второй половинкой, и вот как все обернулось. Теперь она мать-одиночка с двумя малышами. Он с ними даже не видится. Слишком занят, играя в счастливую семью с новой женой и крошкой-сыном.

– Да, Верити паршиво, – говорит Пен. – Этот таракан – самый большой мерзавец на планете, но если такое случилось с ней, то это не значит, что меня ждет то же самое.

– Знаю, что говорю необоснованно, – Эсме прикусывает уголок губы. – Но я себе не прошу, если утаю свои мысли, а потом что-нибудь случится.

– Ничего не случится, – вмешиваюсь я, заметив, что Пен расстроилась.

Не хватало еще, чтобы Эсме заронила сомнения в ее душу. Я понимаю, откуда берутся страхи Эсме, и знаю, что именно поэтому она тяготеет к кратковременным связям и настаивает на том, чтобы не привязываться ни к какому парню. Но нельзя проецировать на других свои страхи и неуверенность – это просто нечестно.

– Саския вышла за Феликса в двадцать один, а Серене в день ее свадьбы было двадцать три, – напоминаю я. – Нет ничего неслыханного в том, чтобы рано выходить замуж.

– Не уверена, что твоих сестер можно приводить как примеры счастливого брака, – отвечает Эсме и сверкает улыбкой кому-то за моим плечом.

– Наверное, ты права.

Сомневаюсь, что Саския будет счастлива с любым мужем, а Серена поразила меня до глубины души, выйдя за одного из старых друзей отца. Она держала свои отношения в секрете от меня, что до сих пор задевает, а в последнее время мы мало общаемся, поэтому я понятия не имею, счастлива ли она в семейной жизни. Знаю только, что после свадьбы она довольно быстро залетела и теперь души не чает в моей маленькой племяннице Элизе.

– Но ни одна из них не была безумно влюблена в своего мужа, – добавляю я, чтобы подбодрить Пен. – А ты влюблена по уши, и Эрик – чудесный парень. Он тебя обожает и

относится к тебе как к принцессе. Вам хорошо вместе, и если пожениться кажется правильным, то лишь это имеет значение. Делай то, что велит тебе сердце.

– Ты правда в это веришь или просто говоришь так, чтобы успокоить меня? – спрашивает Эсме с неподдельным любопытством.

– Правда верю.

Я убираю за ухо прядь своих длинных светлых волос и отпиваю коктейль.

– Хотелось бы и мне верить.

Улыбка сползает с губ Эсме, и повисает напряженное молчание.

– Эй, это задумывалось как праздник, к чему такие кислые лица? – Пен пихает нас обеих в бока. – Откуда вам знать, может, ваши вторые половинки сейчас находятся в этом самом зале? Надо отдыхать.

Эсме обнимает одной рукой за плечи меня, а другой – Пен и шутит:

– Я скорее подыскиваю свою темную половину. Но вы можете помочь. – На ее лице появляется озорная улыбка. – Я просто пойду за теми, кого вы отвергнете как недостойных.

– Господи, помоги нам, – Пен трясет головой, а я по-быстрому набираю сообщение Тамми, чтобы дать знать остальным, где мы. – Рано или поздно такие замашки доведут тебя до беды.

– Пока мы рядом, чтобы спасти Эсме, с ней ничего не случится, – говорю я, убирая мобильник в кармашек моего черного с золотым платья.

С бокалами в руках мы обходим по кругу зал, высматривая интересные кандидатуры и проверяя все варианты. Мужчины здесь самые разные. Старые. Молодые. Привлекательные. Не слишком привлекательные. Несколько групп присвистывали и окликали, когда мы проходили мимо. Пару раз мы останавливались, удостаивая их легкого флирта, и шли дальше. Может, дело в настроении, но ни один из этих симпатичных парней мне не приглянулся.

– О боже, – резко останавливается Эсме, и я расплескиваю клюквенную водку на паркет. – Вы его видите?

– Кого? – хором спрашиваем мы с Пен.

– Саверио Салерно.

Эсме облизывает губы, и ее глаза оживают. Я практически вижу, как в ее голове крутятся шестеренки – она что-то замышляет и планирует.

– Я должна его знать?

Никогда не слышала об этом парне. Я проследила за взглядом Эсме до спины высокого мужчины, направляющегося к VIP-зоне по другую сторону зала. На нем классический черный костюм, на вид очень дорогой, темные волосы коротко подстрижены. Плечи широкие, ткань пиджака натягивается на руках так, что трещит по швам.

– Он владелец этого клуба и пары казино, – сообщает Эсме, немного понизив голос. – По слухам, он из мафии.

Мы с Пен обмениваемся взглядами. Заметив на лице Эсме воодушевление, я понимаю, что мы уже вляпались.

– Только не говори, что ты гоняешься за такими мужчинами.

– Вы же знаете, что я люблю плохих парней и трудные задачи.

– А еще мы знаем, что ты безрассудна и тебе плевать на собственную безопасность, – Пен с обеспокоенным видом проводит рукой по своим коротко подстриженным каштановым волосам.

– Ты знаешь, что обычно я поддерживаю твои эскапады, – говорю я, – но если слухи верны, то он не из тех мужчин, на которых можно задерживать взгляд, не говоря уже о том, чтобы переспать.

Во мне тоже есть бунтарская жилка – спросите моего отца. Уверена, у него есть длинный список моих плохих поступков, но я знаю, где провести черту. Я облизываю сухие губы и бросаю через плечо мягкие светлые пряди, размышляя, как предотвратить это кораблекрушение.

– Надо пойти в другое место, – выпаливаю я. – Кто знает, когда еще нам удастся всем вместе побывать в Вегасе. Можем обойти все клубы.

Эсме подмигивает.

– Было бы неплохо, но я не уйду, пока хотя бы не скажу «привет» этому мужчине.

– Это явно плохая идея, – бормочет Пен, настороженно разглядывая его спину. – Мне бы хотелось вернуться домой живой. – Она сверлит Эсме многозначительным взглядом. – То есть не в мешке для перевозки трупов.

– О боже, Пен. Уймись. Ты драматизируешь.

Не уверена, что драматизирует, но что опасного в том, чтобы просто сказать «привет» этому парню? Я знаю, как упряма Эсме, и если мы продолжим сопротивляться, это ее только еще больше раззадорит.

– Давайте с ним поздороваемся, а потом поговорим с остальными, хотят они остаться или уйти? – предлагаю я.

– Я хуже других могу идти на компромисс, – усмехается Эсме.

Пен что-то бормочет себе под нос, но тоже сдается. Эсме приглаживает спереди свое короткое зеленое платье.

– Как я выгляжу?

– Как всегда обалденно, – отвечаю я.

– Не знаю, любят ли такие мужчины обалденных, – рассуждает она, не сводя с него глаз.

Он заканчивает разговор с небольшой группой в десятке футов от закрытой вип-зоны.

– Он все-таки мужчина, а они все думают одним местом, – я подтягиваю вверх свое платье без бретелек, проверяя, не опустилось ли декольте ниже социально приемлемого уровня, и подавляю веселый смешок. Если бы отец слышал сейчас мои слова, он бы мной гордился.

– Ужасная идея, – бурчит Пен, беря меня под руку, и мы следуем за Эсме.

– Мы обе знаем, что Эсме невозможно отговорить от того, что втемяшится ей в голову. Мы не можем отпустить ее к нему одну. Если с ней что-нибудь случится, мы никогда себе не простим.

– Знаю, – вздыхает Пен. – Я просто волнуюсь за нее. Я полностью за сексуальное равенство и свободу выбора, но ее тяга к опасным придуркам может однажды ей выйти боком, а я не хочу, чтобы она страдала. Особенно в твой день рождения. Хочу, чтобы этот вечер оставил у тебя приятные воспоминания.

– И оставит.

Я ободряюще похлопываю ее по руке, надеясь, что не ошибаюсь.

Наверное, подсыпать в стакан Тони снотворного было не самой умной идеей. Если отец узнает, что я развлекалась в Лас-Вегасе без телохранителя, с ним случится припадок. Он не понимает, как это ограничивает. Как это достает, когда Тони всюду следует за мной по пятам. Можно подумать, что я уже к этому привыкла, ведь телохранители сопровождают меня с тех пор, как я себя помню, но я терпеть не могу вторжение в личное пространство и то, что они привлекают внимание.

В статусе дочери миллиардера, владельца «Лоусон Фарма» есть как множество преимуществ, так и куча недостатков. Нехватка личного пространства – один из них. Я хотела приехать в Лас-Вегас и закатить вечеринку с подругами без Тони, который дышит в затылок и поминутно докладывает отцу о каждой мелочи.

Порой мне просто хотелось быть обычной. Обычной девушкой, которая отмечает день рождения с подругами, совершая при этом все безумства, на которые способна обычная двадцатидесятилетняя девушка. Что плохого в таком желании? Честно говоря, если бы появился

джинн и посулил нормальную жизнь в обмен на деньги и роскошь, присущие нашему образу жизни, я бы согласилась в тот же миг. Не задумалась бы ни на секунду.

Я собираюсь переспать с кем-нибудь во время этой поездки, а Тони, проверяющий на благонадежность всех потенциальных партнеров, портит все настроение.

Предложи парню соглашение о неразглашении – и он удерет без оглядки.

Это главная причина, почему у меня были только раз серьезные отношения и секс только с двумя мужчинами.

Отец все контролирует как недремлющее око. Он на этом помешан. С одной стороны, я понимаю. Его богатство и известность привлекают самых разных психов, и он не хочет ставить под удар семью. К сестрам и маме тоже приставлены телохранители, а в поездках отца сопровождают двое или трое. Но иногда это кажется чрезмерным, и я гадаю, сколько здесь заботы о моей безопасности, а сколько – его желания знать все подробности моей жизни и манипулировать мной так, чтобы все контролировал он, а не я.

Он не понимает, почему я не такая послушная, как мои сестры. Почему борюсь с ним практически во всем. Он не может осознать, что у меня есть свои планы, свои амбиции и я хочу идти по жизни своим путем. Я не хочу работать в семейном бизнесе, как Саския и Серена, и он взбеленился, когда я отказалась поступать в ту же бизнес-школу при Чикагском университете, которую закончили сестры. Он пригрозил отказаться от меня, когда я решила изучать биомедицину с прицелом на альтернативную терапию, но мама его отговорила.

– Земля вызывает Сьерру, – Пен щелкает пальцами перед моим лицом. – Ты отключилась, подружка.

– Да, но уже вернулась.

Мы чуть не врезаемся в спину Эсме, когда она внезапно останавливается. Мы в нескольких футах от красавчика, но он поглощен разговором с кучкой парней в костюмах, и я не думаю, что наше вмешательство поможет Эсме.

– Беседа выглядит довольно жаркой, – говорит Эсме, приглядывая одним глазом за своей мишенью и бросая на нас быстрый взгляд.

– Примем это как знак, чтобы уйти, – делает Пен последнюю попытку.

– Я не упущу такую возможность. – на лице Эсме появляется решимость. Очень знакомое выражение. – Просто нужно улучшить нужный момент.

– Давайте подождем там, – предлагаю я, показывая на пустой высокий столик позади мужчин. – Тогда он не сможет уйти, не заметив нас.

– Хорошая идея.

Эсме энергично кивает и ведет меня мимо мужчин. Разумеется, она не преминула по пути уставиться на них, потому что деликатность и Эсме – вещи несовместимые. Я смотрю прямо перед собой, не желая, чтобы кто-нибудь из них решил, будто я им интересуюсь. Судя по брошенному на них беглому взгляду, они все немолоды, возраста моего отца, и у меня бегут мурашки от мысли, кто кто-нибудь из них прикоснется ко мне. Эсме западает на парней постарше, но обычно не настолько старше.

Подруга садится на стул, выбрав стратегическое место лицом к мужчинам, а мы с Пен занимаем два других сидения, довольные тем, что оказываемся к ним спиной. Мы ставим свои бокалы и несколько минут разговариваем вполголоса, пока Эсме многозначительно смотрит на приглянувшегося мужика.

– Ты так откровенно пялишься, – говорит Пен.

– В этом-то и смысл, – отвечаю я, опередив Эсме.

– Точно, – ухмыляется Эсме. – Он пару раз встретился со мной взглядом, так что это работает.

Она шумно отпивает через соломинку, не разрывая зрительного контакта поверх наших плеч.

– И вот уже, – добавляет она, расправляя плечи и улыбаясь еще шире. – Он идет сюда. – Она одаривает нас предостерегающим взглядом. – Позвольте мне вести разговор. Ладно?

– Можешь не сомневаться, он весь твой, – говорю я, допивая коктейль.

Глава 2

Сьерра

– Здравствуйте, леди.

Его глубокий голос звучит у меня в ушах, дыхание касается моей щеки, и я машинально напрягаюсь, выпрямив спину и глядя прямо перед собой, стараясь не смотреть на него. От его тела противными волнами исходит тепло, и я вздрагиваю, когда он касается моей руки. Разве он не слышал о личном пространстве? И почему он стоит так близко ко мне? Это не я строила ему глазки последние десять минут.

– Здравствуйте, – широченная улыбка Эсме источает уверенность, она не отводит от него взгляда.

– Вам нравится мой клуб? – осведомляется он, подтверждая, что является владельцем.

Надеюсь, Эсме не ошиблась только в этом.

– Очень, – отвечает она. – Изумительное место.

– А вашим подругам?

Воздух колеблется, мужчина перемещается и оказывается прямо передо мной, вынуждая меня поднять взгляд. Темные как ночь глаза устремляются на меня с настойчивым интересом. Я подавляю испуганный вздох, а он в открытую меня разглядывает.

Мои предположения оказались верны – он определенно немолод. Ему как минимум сорок. Возраст определить трудно, потому что лицо покрыто шрамами и изборождено оспинами. Костюм от «Армани» сидит точно по фигуре, мало что скрывая, и я могу сказать, что он мускулист, но строен.

Он поднимает бровь, ожидая ответа. Не знаю, заметил ли он вообще Пен, но судя по тому, как безмолвно и неподвижно она сидит рядом со мной, отвечать придется мне.

– Мы проводим чудесный вечер. Спасибо, – говорю я.

Мне неприятен его изучающий взгляд.

– Сегодня Сьерре исполняется двадцать один, – заявляет Эсме, и я бросаю на нее пронзительный взгляд.

Какого черта? Зачем она ему это говорит?

– Это правда? – спрашивает он, удерживая зрительный контакт со мной.

На самом деле глаза у него не черные, а очень темного оттенка карего, но ужасно пугающие. Мне еще не приходилось встречать такой пристальный, испытующий взгляд. У меня внутри все дрожит. От этого мужчины исходит ощущение власти и опасности, и моя внутренняя тревожная сигнализация сходит с ума, требуя пуститься в бегство. В его взгляде сквозит неприкрытый голод, он словно впитывает меня с головы до ног, и это только добавляет тревоги.

Я коротко киваю ему, ерзая на стуле – от сосредоточенного только на мне внимания неуютно. Неужели мама не учила его, что невежливо так пялиться?

Он поднимает руку и шелкает пальцами, по-прежнему не сводя с меня глаз, словно они прилипли и он не может ими управлять. Сразу подходит официант.

– Бутылку нашего лучшего шампанского для прекрасной именинницы и ее милых подруг, – требует он.

– Сейчас будет, мистер Салерно. Сэр.

Официант с каменным лицом спешит прочь, и я понимаю его чувства.

– Очень щедро, – говорю я. – Но в этом нет необходимости.

Мне от него ничего не нужно. Он производит впечатление человека, который ничего не дает просто так. За все придется платить, и не обычной валютой.

– Можете звать меня Саверио, – он без разрешения хватается меня за руку. – Мисс?

– Лоусон, – выдавливаю я, стараясь сдержать ползущую по спине дрожь отвращения, когда он подносит мою руку к губам и целует.

Он так и не отводит от меня глаз, задерживая губы на моей коже. Он пожирает меня взглядом и бесстыдно прет напролом, ничего не скрывая. Вижу, он из тех, кто привык получать все, что хочет, и я в ужасе от того, как сильно он, похоже, хочет меня.

Я убью Эсме.

– Вы здесь по делам или ради удовольствия? – спрашивает Эсме, стратегически ставя локти на стол и наклоняясь вперед, чтобы ему было лучше видно ее роскошное декольте.

Она одаривает его обольстительной улыбкой, от которой мужчины обычно падают к ее ногам.

Он отводит от меня взгляд, выпускает мои пальцы, и я наконец выдыхаю. Он награждает Эсме пугающей улыбкой. На первый взгляд приятной, пока не заметишь раздражение за плотно сжатыми губами и убийственный блеск в глазах. Вряд ли он привык, чтобы ему мешали, мужчине это определено не нравится.

Улыбка Эсме гаснет, и она съеживается под его устрашающим взглядом.

– По делам, – отрезает он. – Хотя встретить прекрасную именинницу – это несомненно удовольствие.

Он снова переключает внимание на меня.

Эсме на долю секунды опускает плечи, затем пожимает ими и снова натягивает на лицо улыбку. Она так легко не сдается, но Эсме прагматична и знает, когда дело безнадежно. К тому же мы договорились не ссориться из-за парней. Хотя я уверена, по моей реакции она понимает, что этот мужчина меня ни капли не интересует.

Я снова бросаю на нее взгляд и не удивляюсь, заметив, что теперь она строит глазки типу, который стоит за спиной Салерно Шрамолицего, не обращая внимания на проблемы, которые вызвала. Саверио пялится на меня с неприкрытым вожделением, и я жалею, что опоила Тони. В кои-то веки мне хочется, чтобы телохранитель был со мной. Пен берет под столом мою другую руку и пожимает в знак поддержки. Не помню, чтобы Пен когда-нибудь была такой тихой, а это о многом говорит.

– Мисс Лоусон, вы самое восхитительное в мире создание. В самом деле потрясающее. «Создание». Серьезно?

Паника возвращается, когда он подносит руку к моей голове и пропускает пряди моих волос между большим и указательным пальцами, словно сам Господь бог дал ему право прикасаться ко мне без разрешения. Я бы оттолкнула его и послала подальше, но это не обычный парень – это хищник худшего сорта, и только идиот рискнет навлечь его гнев. Поэтому я закрываю рот на замок и молюсь, чтобы мне удалось скрыть страх.

– Я никогда не видел таких золотистых волос, таких совершенных и завораживающих.

– Спасибо.

Я изображаю улыбку. Он продолжает гладить мои волосы, а я сильно прикусываю изнутри щеку и засовываю под себя руки, чтобы избежать искушения оттолкнуть его. Меня охватывает дрожь, и хотя я изо всех сил стараюсь сохранять хладнокровие, трудно сдержать тревогу, затапливающую вены по мере того, как он продолжает пялиться.

Он пугает меня до чертиков, но никто его не одергивает, поэтому я предполагаю, что для него это нормальное поведение. Чем больше он пожирает меня глазами, тем в больший ужас я прихожу.

Какого черта Эсме вздумалось охмурять такого мужчину?

Он страшный как грех, я не нахожу в нем ничего привлекательного. На миг я задумываюсь, откуда у него такие шрамы, но тут же выбрасываю эти мысли из головы. Я и без того напугана, нечего подключать мое чересчур живое воображение.

Он все еще поглаживает мои волосы и пускает слюни, оглядывая меня с головы до ног. Пен прижимается ко мне в знак молчаливой поддержки. Она дрожит, и я знаю, что подруга тоже напугана. Я хочу закричать, чтобы он перестал раздевать меня взглядом, но мои голосовые связки парализовал страх, и я начинаю молиться о божественном вмешательстве.

Похоже, Саверио из тех, кто может раздавить меня одним пальцем, и из тех, кто любит быть грубым в постели. Знаю, некоторым женщинам нравится подобное обращение, но я не из таких.

– Босс, – тип, на которого переключилась Эсме, подходит к Саверио и что-то шепчет ему на ухо.

Саверио кивает, оставляет в покое мои волосы и отходит в сторону. Тут как раз появляется официант с шампанским.

– Я должен идти. У меня дела.

Слава богу.

– Было приятно познакомиться, – лгу я, кладя руки на колени. – И спасибо за шампанское. Очень щедро.

– Не за что, мисс Лоусон. – Он щелкает пальцами, и подбегает еще один мужчина. Судя по бейджику – ответственный менеджер. – Мистер Ландерс, пожалуйста, проводите мисс Лоусон и ее подруг в кабинет «Живанши» и дайте им все, что они пожелают.

Я открываю рот, чтобы возразить, но Эсме пинает меня под столом и сверлит умоляющим взглядом. Она плохо меня знает, если думает, что я приму еще хоть одну подачку от этого человека.

– До встречи, – Саверио бросает на меня последний сальный взгляд и удаляется со своими спутниками.

Я наваливаюсь на стол и перевожу дух, радуясь его уходу.

– Прошу за мной, – говорит мистер Ландерс, вытягивая руку и пропуская меня вперед.

– Нам нужно подождать остальных подруг, – беззаботно отвечает Эсме. Достает из ведерка со льдом бутылку дорогущего шампанского и разливает по бокалам. – Они уже идут.

– Прекрасно. Я вернусь через несколько минут чтобы проводить вас.

Менеджер удаляется, а я, поставив локти на стол, наклоняюсь к Эсме.

– Напиши остальным. Сообщи, что мы уходим.

– Ты в своем уме? – Она смотрит на меня так, будто я только что лишилась мозгов. – Знаешь сколько девчонок пошли бы на убийство, чтобы попасть в вип-зону? А он предоставил нам кабинет «Живанши». Чертов кабинет «Живанши»! – восклицает она, хватая меня за руки. – Его обычно придерживают для знаменитостей. Брось, Сьерра! Нельзя упустить такой шанс.

– Этот мужчина напугал меня до смерти, и я хочу убраться от него как можно дальше. – Я встаю из-за стола.

– Я со Сьеррой, – Пен тоже поднимается. – Есть куча других клубов, можно пойти в них.

– Не такой уж он страшный, – протестует Эсме.

– Ты была так занята гляделками с другим парнем, что не заметила, какие от него исходят флюиды. – Пен берет меня под руку. – Мне стало жутко от того, как он на тебя смотрел.

Она передернулась.

– Да ну! – Уперев руки в бока, я устремляю на Эсме убийственный взгляд. – Это мой день рождения, и я решаю. Я хочу уйти. Сейчас же, пока он не передумал и не вернулся за мной.

– Вот вы где! – вскрикивает Тамми, обнимая меня сзади. – Мы не знали, куда вы пропали, – невнятно добавляет она, обходит меня и опускает руки на плечи Эсме.

– Наверное, мы увеличили счет, – говорит Хизер со слегка виноватым видом.

– Не волнуйтесь. Отец разберется.

Чтобы покрыть расходы на эти выходные, отец положил на мою черную карту еще кучу денег. Глупо и совершенно не нужно – на моем счете и без того столько, что можно прокор-

мать небольшую страну. Он забывает, что я не такая, как сестры. Я не трачу каждый месяц тысячи на дизайнерскую одежду, сумки и туфли, не хожу каждый день в салоны красоты или к пластическим хирургам. По крайней мере, они теперь замужем, и папа больше не оплачивает их астрономические счета.

Он знал бы об этом, если бы нашел время поговорить со мной. Но он предпочитает заваливать меня деньгами, чем терпеть мое общество. Обе мои сестры позволили ему устроить на их двадцать первые дни рождения шикарные вечеринки в отеле «Дрейк». Там было полно его старых друзей, и на вечеринке Серены я так скучала, что уснула под столом. Меня скрывала скатерть, и папа чуть не вызвал полицию, когда к концу вечера меня не смогли найти. После этого он запер меня дома на две недели. Все потому, что шестнадцатилетняя девчонка имела наглость уснуть. Поэтому, когда мама предложила такую же вечеринку, я отказалась наотрез, даже не раздумывая. Думаю, она восприняла это с облегчением.

– О боже! Это чертовски круто! Я слышала, что вип-кабинет здесь просто нечто! – визжит Тамми, когда я пересказываю беседу.

Я выпускаю стон.

– Не начинай. Ты не видела хозяина. Меня от него выворачивает.

– Он не так плох, – возражает Эсме, подкрашивая губы блеском.

– У него вид человека, который ест щенков на завтрак, – говорит Пен, беря меня под руку.

– И кисок на обед, – острит Эсме и с хохотом запрокидывает голову.

Я пригвождаю ее взглядом.

– А что? Она как раз на такого наткнулась. – Эсме пихает меня локтем в бок. – Согласись, что это смешно.

– Нет ничего смешного в том, чтобы попасть под его пылкий взгляд. Уж поверь. Мне дурно от одной мысли о том, как он смотрел на меня.

– Но он ушел. Ты же слышала, у него дела, так что ты больше его не увидишь.

– Нет. Я хочу уйти.

Я не настолько наивна, чтобы думать, будто он не собирается найти меня, когда покончит с делами.

В ответ раздается хор неодобрения – шестеро девушек умоляют меня остаться. Я вцепляюсь в руку Пен и вижу на заднем плане недовольное лицо менеджера. Тот стоял рядом, пока мы спорили.

– Идем, Сьерра, – Тамми смотрит умоляюще и кладет руки мне на плечи. – Расслабься! Это твой день рождения, и мы в Городе грехов, так давай немножко погрешим, иначе зачем мы опоили Тони?

Веский довод. Но тем не менее. Может, Шрамолицый Салерно не из мафии. Может, дурной репутацией он обязан внешности. Но так это или нет, сейчас не имеет значения. Я у него на радаре и предпочитаю исчезнуть. Оставаться здесь нельзя.

– Мы можем пойти в вип-зону где-нибудь в другом месте, – говорю я, надеясь, что имя отца мне поможет.

– Не в такой поздний час, – возражает Эсме. – Обычно приходится заказывать заранее, если только ты не знаменитость.

– Мы не подпустим к тебе этого мужика, – заявляет Хизер, и остальные согласно кивают.

– Нас семеро, и мы не позволим ему подойти к тебе ближе, чем на десять футов, – соглашается Эсме.

– Эсме, не принимай меня за дуру. Этот человек всегда получает чего хочет, и кучка девчонок ему не помеха.

– А как насчет такого? – Эсме прячет блеск для губ в платье и подходит ко мне. – Остаемся на час, а потом уйдем. Он ушел на встречу только что, и вряд ли она к тому времени

закончится. Таким образом, мы сможем говорить, что праздновали в вип-зоне «Пламени», а ты успеешь ускользнуть от того, кого не будем называть.

Остальные смотрят на меня с предвкушением, на их лицах неприкрытое воодушевление, и я не хочу портить им вечер. Я вздыхаю и провожу рукой по волосам. Интуиция подсказывает бежать, но сердце хочет доставить радость подругам.

– Детка. – Эсме неотрывно смотрит на меня. – Ты правда думаешь, что мы с Пен допустим, чтобы с тобой что-нибудь случилось? – Ее глаза горят восторгом. – Попасть в вип-зону в таком клубе практически невозможно. Держу пари, даже твой папочка не смог бы такое организовать для тебя. Ты не можешь отказаться. Подумай обо всех крутых толстосумах и бесплатном шампанском. Твой день рождения прогремит на века. Мы будем вспоминать его, когда станем старыми, седыми и спрячем подальше танцевальные туфли. – Она кладет руки мне на плечи. – Только один час. Пожалуйста, Сьерра. Пожалуйста, скажи «да».

Я вздыхаю, уже зная, что соглашусь. Смотрю на Пен и по ее лицу вижу, что она тоже сдалась. Мы в меньшинстве и знаем это.

– Ты неисправима. Но из тебя выйдет самый лучший адвокат, поскольку тебе невозможно отказать.

– Ура! – Она обнимает меня, визжа от радости.

Остальные толпятся вокруг, и мы устраиваем групповые обнимашки.

– Мы здорово повеселимся, – говорит Тамми. – Ты не пожалеешь!

– Надеюсь, что нет, – бормочу я и киваю менеджеру, откровенно игнорируя внутренний голос, кричащий не делать этого.

Глава 3

Бен

Я медленно потягиваю бурбон, желая сохранить трезвый ум. Отец впервые доверил представлять его на важной встрече, и мне нельзя облажаться. Я так долго к этому шел и не собираюсь откатываться назад.

Салерно заставил нас ждать сорок минут, что вывело меня из себя. Некоторое время отношения между Нью-Йорком и Лас-Вегасом были неопределенными, но сегодня я намереваюсь их прояснить. Поэтому я отбрасываю раздражение и сосредотачиваюсь на том, ради чего приехал.

Мы находимся в приватном подвале его клуба. Странное место для деловых встреч, однако похоже, что в Городе грехов бизнес и женщины идут рука об руку. Откинувшись на спинку мягкого бархатного дивана, я рассматриваю комнату, пока Салерно и его люди рассаживаются.

Слева от меня возле черной стены – вращающийся зеркальный бар. Справа – квадратный танцпол: небольшая сцена и пара шестов. Остальное пространство отведено для зоны отдыха со стильными низкими диванами и удобными креслами с высокими спинками, а между ними стоят блестящие черные столики. Отделка тут как в основном клубе наверху – смесь черного, золотого, красного и оранжевого. Свет приглушен, играет негромкая фоновая музыка.

Я поднимаю взгляд на лестницу в дальнем правом углу от бара, ведущую на верхний уровень, где находятся несколько спален. Слухами о наркотических оргиях Салерно полнится земля. Сейчас я по крайней мере знаю, чего ожидать – посещал одну такую пару лет назад, когда приезжал в прошлый раз с отцом.

– Я удивлен, что не приехал Анджело или кто-нибудь еще из нью-йоркских боссов, – говорит Салерно, наконец начиная разговор.

Он откидывается назад в кресле и смотрит на меня. Ему нравится наводить страх на всех, с кем общается, его мрачный взгляд вошел в легенды. Но чтобы напугать меня, этого слишком мало.

Он пришел с подручным Греггом Гамбини – бугаем с соответствующей репутацией; консьюэри Фабрицио Руссо, несколькими старшими капо и горсткой верных *soldati*. Их одиннадцать человек против нас пяти, но я ожидал демонстрации силы в его подземном жилище. За исключением солдат, всех я уже видел раньше.

Бизнес Салерно в Вегасе небольшой, но управляет он железной рукой. У него собственный свод правил, свои способы вести дела, которые не всегда совпадают с нашими представлениями. Лично мне претит то, как они обращаются с женщинами, но во всем остальном они идут в ногу со временем.

Чего не скажешь о многих семьях в США.

– Они уехали на подобные встречи в Филадельфии, Флориде, Лос-Анджелесе и Бостоне, – сообщаю я.

На его челюсти дергается мышца, и он выпрямляется в кресле. Его люди напряжены, настороженные взгляды устремлены на меня. Я чувствую, как Лео за моей спиной тянется к пистолету на бедре.

– Значит, нас не сочли достойными встречи с кем-нибудь из пяти? – осведомляется Салерно.

Его голос убийственно спокоен, лицо бесстрастно.

Атмосфера в комнате заметно меняется.

– Беннет – наследник Маццоне и однажды станет самым могущественным боссом в Нью-Йорке, – холодно отвечает Лео.

Я рад, что он не упомянул мои планы стать самым могущественным боссом во всей стране, поскольку между уверенностью в себе и самонадеянностью существует четкая граница. К тому же умный человек никогда не разглашает свои планы, пока не наступит подходящий момент и успех станет несомненным.

– То, что Бен решил приехать сюда, говорит вам все, что нужно, о вашей предположительной ценности.

Я поднимаю руку, обрывая речь моего запальчивого подручного. У Лео немало талантов, которые я ценю, но дипломатия в их число не входит.

– Я приехал потому, что разделяю ваши ценности и амбиции.

Я отпиваю бурбон и закидываю щиколотку на колено, не выказывая ни малейших эмоций.

– Я думал, вы приехали по делам Комиссии, – говорит Руссо, глядя на меня как на букашку, которую ему хочется прихлопнуть.

– Да, но цели совпадают.

– Я слушаю, – произносит Салерно, сверля меня взглядом.

– Как вам известно, Комиссия много лет не действовала.

– Была распущена, когда Чикаго откололся, – поясняет Салерно, словно мне нужен урок истории.

Когда меня втянули в этот мир, я прежде всего изучил прошлое и усвоил все, что можно, о семьях и наших врагах.

– Интересно, что прежде вы их не упоминали, – добавляет он.

– Отношения Нью-Йорка и Чикаго все еще разорваны.

Он издает смешок.

– Мальчик, ты говоришь как политик. До меня доходили верные слухи.

Игнорируя его выпад, я продолжаю, крутя бурбон в рюмке и уставившись на местного босса:

– Пока что Чикаго за бортом.

Салерно негромко присвистывает.

– Рискуете навлечь гнев Филиала? Разозлить сицилийцев?

– Я сказал «пока что».

Я стараюсь держать себя в руках. Если этот засранец будет перебивать, разговор затянется на всю ночь.

– Мальчик, расслабься, – он сдвигает брови, и у меня возникает искушение пустить ему пулю в лоб. Если он еще раз назовет меня мальчиком, я так и сделаю. – У меня свои дела с Филиалом.

Для меня это новость.

Коза Ностра возникла на Сицилии в девятнадцатом веке, но в США появилась только во времена «сухого закона» и орудовала совершенно независимо от сицилийской, пока почти тридцать лет назад к власти в Чикаго не пришел Джузеппе Де Лука. Тогда все изменилось, потому что новый глава Филиала отказался играть по правилам Комиссии и решил поступать по-своему.

Комиссию создал в тридцатые годы Лакки Лучано. Она служила, так сказать, советом директоров всей итало-американской мафии. Нью-Йорк как единственный штат с пятью семьями имел контрольный пакет, что всегда возмущало Филиал. Когда Де Лука захватил власть в Чикаго, он остался в своей постоянной резиденции на Сицилии и отправил в Америку своего подручного Джифоли. Прежде подобное было неслыханно, и Комиссия не признала авторитет Де Луки, когда тот отказался показать лицо.

Произошел раскол, Комиссия в конце концов распалась, и с тех пор семьи действовали независимо. Де Лука и по сей день продолжает править через своего подручного; никто из других боссов никогда его не встречал. Это озадачивает, но все уже давно смирились с таким положением дел. По правде говоря, Чикаго процветает и остается второй по величине организацией после Нью-Йорка.

Затем некоторые семьи объединились в альянсы, в основном чтобы проще вести дела. У нас договоренность с Салерно: часть наших наркотиков поступает в Лас-Вегас, а он организует безопасную отправку в Нью-Йорк. У многих семей есть похожие соглашения, но впервые предпринимается попытка создать более официальную структуру.

Это смелый шаг, но, как мне кажется, необходимый. Пятеро боссов наконец согласились, и мы запустили процесс.

Я выгибаю бровь в молчаливом вопросе: что за дела у Салерно с Чикаго? Но он отмахивается от моего немого вопроса, что злит меня еще больше. Кровь закипает, но внешне я сама Швейцария.

– То, что сицилийцы остались за бортом, только делает план заманчивее.

Он уже забыл про оговорку «пока что». Если обострятся проблемы с братвой – а я подозреваю, что обострятся – придется объединить все семьи. В том числе Чикаго.

– Нью-Йорк хочет перезапустить Комиссию, сначала через неофициальные альянсы, которые мы со временем расширим.

– Зачем? – Саверио пожимает плечами. – Все работает, так зачем чинить то, что не сломано?

– Русские вызывают все большую озабоченность, и если мы хотим сдерживать исходящую от них угрозу, нам необходимо объединить итало-американские семьи.

Есть и другие. Ирландцы, албанцы и Триада могут стать проблемой в Нью-Йорке. Однако ни одна из этих группировок не требует немедленных действий, потому что их численность невелика и они мало что контролируют. Но они у меня на радаре, и я держу ухо востро.

Я отпиваю еще глоток и с ледяной невозмутимостью встречаю тяжелый взгляд Гамбини. В его венах течет немного русской крови со стороны матери. Отец его происходит из авторитетной итало-американской семьи, но русская ДНК делает его чувствительным к подобным выпадам. Теперь он смотрит на меня так, словно ждет, что я брошу в его адрес какое-нибудь оскорбление и у него появится повод растоптать меня.

Этот человек славится тем, что сокрушает противников голыми руками и полным пренебрежением к человеческой жизни. Чихни на него – и он скорее всего убьет тебя, даже не вспотев. Но мало кто знает, что он невероятно хитер. Умный человек вроде Саверио Салерно не сделает своим подручным жестокого убийцу, если у того нет никаких других талантов.

– Русские – не угроза, – говорит Салерно, наливая себе еще скотча.

Я беру бутылку «Старого Рип Ван Винкля» за двадцать тысяч долларов, доливаю свою рюмку и ставлю бурбон на стол.

– Их численность равна нашей.

– Они не организованы, неблагонадежны и они не люди чести.

– Все это правда, но надолго ли? Мне донесли сведения, которые меня обеспокоили. Если русские мобилизуются, они смогут нам навредить. Нельзя дать им такую возможность.

– Я могу защитить свою территорию, так зачем мне соглашаться на возрождение Комиссии? Вступать в большую битву? – Салерно выпивает виски и наливает еще.

– Сейчас вы можете защитить свою территорию, но надолго ли? Это случится, и те, кто предпочтет сохранять независимость, наверняка станут мишенями. Если русские объединятся и нападут на вас всей своей численностью, вы не сможете устоять. В усилении связей есть смысл.

– Если русские появятся у меня на пороге, я убью каждого мудака лично.

Интересно, Салерно действительно в это верит?

– И вы либо умрете, либо попадете в тюрьму, – я опускаю ногу на пол и слегка наклоняюсь вперед. – Саверио, мы не можем и дальше следовать традиционному пути. Даже если судьи, адвокаты и законы у нас в кармане, нас сдерживают законы РИКО. Мы больше не можем убивать каждого, кто на нас косо посмотрит. – Я бросаю взгляд на Гамбини, и тот рычит. – Коза Ностра – такая же компания, как и любая другая. Мы должны приспосабливаться, эволюционировать и расти, иначе не выживем.

– Я слышан о некоторых ваших проектах, – Саверио щелкает пальцами одному из мужчин у двери. Тот молча выходит. – Слышал о том, что вы пытаетесь сделать.

– Времена меняются, джентльмены. – Я устремляю взгляд на его капо, любопытного Руссо и несговорчивого Гамбини. – Если к ним не приспособиться, то погибнешь.

Глава 4

Бен

– Согласен, усиление связей – это разумно, – кивает Салерно, и мне хочется ему врезать. Этот сукин сын просто проверяет меня.

Я крепче сжимаю рюмку, пытаюсь успокоиться. Восемь лет у меня была не жизнь, а одна сплошная проверка, и мне надоело. Я думал, что пока был солдатом и усердно поднимался по службе, заслужил место рядом с отцом без вопросов, без дальнейших испытаний, но, очевидно, подозрения на мой счет еще есть и меня не закончили проверять.

– Я подхожу к последнему вопросу прежде, чем перейти к развлекательной части вечера.

Он самодовольно ухмыляется, и я беспокоюсь ерзаю на диване, зная, что будет. Как бы мне хотелось извиниться и уйти. Но это оскорбило бы нашего хозяина, поэтому я смирился с тем, что проведу ночь в компании шлюх и секс-рабынь. Внутри поднимается желчь, и я делаю большой глоток бурбона, приветствуя яблочные и карамельные ноты и приятное тепло, скользящее по горлу. Возможно, напиться – единственный способ пережить эту ночь.

– У вашего отца есть ответ на мое предложение?

Опять эта фигня. Я стискиваю зубы и мысленно считаю до десяти, прежде чем сказать прямо:

– Я не женюсь на ребенке. И в этом нет необходимости. Чтобы связать наши семьи, достаточно укрепить деловые союзы и объединиться под эгидой новой Комиссии.

Когда я стану боссом, буду просить отменить некоторые старые традиции вроде практики договорных браков. Я не наивен. Я знаю, что тем, кто мы есть, мы отчасти обязаны традициям, и кое-что я менять не стану, но меня возмущают варварские обычаи, когда дело касается женщин и их роли в нашем обществе.

Для мамы я уже ничего не могу сделать, но, может, смогу немного загладить вину, избавив других женщин от того, что пережила она.

– Не уверен, что мне нравится ваш тон, – говорит Саверио, и в воздух просачивается новая волна враждебности.

– Я не хотел оскорбить ни вас, ни Анаис, но я уже сказал отцу, что не собираюсь жениться. Я серьезно отношусь к своим обязанностям перед la famiglia, и женитьба на ком угодно ослабит мое положение.

От меня ожидают брака с красивой, добропорядочной женщиной, которая подарит наследников, чтобы продолжить род Маццоне. Тем не менее жены у нас – не более чем аксесуары. Птицы в клетках, лишённые свободы, и у меня нет ни малейшего желания подвергать такой участи себя или любую женщину.

Многие мужчины из нашего мира соглашаются на договорные браки, чтобы избежать излишних хлопот. Проявление внимания к жене расценивается как слабость, поэтому у нас редко женятся по любви. А одна-две шлюхи на стороне помогают держать жен в узде, если у них возникнут какие-либо романтические представления о мужьях.

Жены и дети – явные мишени в нашем мире, и я не хочу в этом участвовать. Ирония заключается в том, что в нашем кодексе поведения женщин якобы уважают, но при этом вполне нормально высказывать неуважение, похищая и убивая их, чтобы преподать урок, или спать со шлюхами, если это не выставляется напоказ.

Другие семьи относятся к женщинам еще хуже, а Вегас – в особенности. Ходили слухи, будто Салерно убил свою жену – мать одиннадцатилетней Анаис – потому что она возмутилась, когда он привел домой трех шлюх. Кроме того, он сколотил состояние на торговле женщинами,

чего мы в Нью-Йорке избегаем из принципа и чтобы не накалять страсти. Хотя мне противно иметь дело с таким человеком, нам нужна его помощь в перевозках и дистрибуции, и мне нравятся некоторые его идеи на будущее.

– Будь осторожен, мальчик. Пусть перемены неизбежны, но не форсируй изменения там, где они не нужны или нежеланны. Уверен, отец говорил тебе, что битвы нужно выбирать с умом.

– Туше! – Я поднимаю рюмку и возвращаю ему пристальный взгляд.

Уголки его губ приподнимаются в едва заметной улыбке, и он тоже поднимает рюмку.

Общее внимание привлекает звук шагов в коридоре. Салерно встает, дверь открывается, и в комнату впускают группку полураздетых женщин. Кто-то делает музыку погромче, официант ставит на стол еще одну бутылку скотча рядом с пивом.

– Мессина, расслабься, – машет Салерно Лео. – Сядь. Насладись моим гостеприимством.

Лео опускается на диван рядом со мной и ухмыляется. В отличие от меня мой лучший друг ничего не имеет против шлюх. Я снимаю черный пиджак, закатываю по локти рукава белой рубашки и заставляю себя расслабиться на диване.

Салерно приветствует женщин как давних подруг, а не проституток, которых похитил и обучил, чтобы эксплуатировать. Он целует их и лапает, а они притворяются, что им приятно его внимание.

Плевать, насколько он богат и могуществен, никакой женщине не может быть приятно целовать уродливую рожу этого ублюдка.

Две девушки подходят к сцене, берутся за шесты и начинают скользить по ним вверх-вниз в такт музыке. Остальные набрасываются на нас как стервятники. Мы с Лео одного возраста и определено здесь самые молодые и привлекательные. Комично смотреть, как девушки нацеливаются в первую очередь на нас.

Я не протестую, когда мне на колени плюхается блондинка с огромной силиконовой грудью, хотя инстинкт побуждает послать ее к черту. Она обвивает мои плечи и целенаправленно ерзает на моем члене. Худенькая брюнетка с мальчишеской фигурой опускается на колени к Лео, и он машинально обнимает ее за талию. Расфуфыренные девушки бросаются к Гамбини, Руссо и капо Салерно, но остальные наши люди, наши *soldati* стоят на страже вдоль стен.

Перегнувшись через шлюху, я беру со стола два пива и молча протягиваю ей одно. Я наблюдаю за Салерно, пока девушка безуспешно пытается привлечь мое внимание. В моих штанах ничего не шевелится, я стараюсь, чтоб так и было, когда вечер доходит до этого момента. Салерно уставился на дверь так, словно хочет изрешетить ее пулями. На его покрытом шрамами лице застыло мрачное выражение. Прищурившись, он переводит взгляд на единственного охранника у двери и рывкает:

– Где же она?

– Уже идет, босс. За ней пошел Рензо.

Салерно поворачивается к нам, а Лео берет себе пива.

– Я встретил наверху самое потрясающее создание, – объясняет Салерно, наливая себе еще скотча и садясь обратно. Сажает себе на колени рыженькую с пышными формами и просовывает руку под резинку ее трусов. Она выгибается, а он разрывает трусы, бросает на пол и в открытую трахает ее пальцем. – Сплошные ноги, золотистые волосы и огромные зеленые глаза.

Гамбини хихикает.

– Воплощение невинности, – добавляет Салерно, подмигивает и грубо сует три пальца в рюжю. – Она так перепугалась. Не могу дождаться, чтобы перепачкать член в ее крови.

– Девственная киска, – Гамбини облизывает губы, лаская обнаженную брюнетку, пристроившуюся на коленях между его ног и расстегивающую молнию на его брюках. – В нашем вкусе.

– Я возьму ее первым, – говорит Салерно, продолжая тыкать пальцем в девушку на его коленях. Его взгляд будто прирос к двери, ожидая жертву. – Маццоне может взять ее следующим. А потом она твоя, – сообщает он своему заместителю.

Я с ухмылкой подношу бутылку пива ко рту и отпиваю сразу половину. У меня есть роль, хочу ли я ее играть или нет.

До моего слуха доносится суматоха в коридоре. Блондинка у меня на коленях начинает расстегивать мою рубашку, запечатлевая слюнявые поцелуи на моей шее. Лео со счастливой улыбкой развалился на диване, раздвинув ноги, а брюнетка наклоняется над его членом.

В мои барабанные перепонки бьют крики – солдат Салерно волочет в комнату двух девушек. Маленькая фигуристая девушка с короткими каштановыми волосами рыдает в открытую, а более высокая, стройная блондинка борется с солдатом, пытаясь вырваться.

– Отпусти! – кричит она.

Ее голос звучит как-то знакомо, и у меня встают дыбом волосы на загривке. Я стараюсь ее рассмотреть, но с моего места это трудно сделать, а ее лицо закрывает копна светлых волос.

Робкая брюнетка кричит громче. Хотя она хорошенькая – если вам нравятся невинные девочки, живущие по соседству, – очевидно, что Салерно взял ее, чтобы блондинка приняла его приглашение. Такие девушки явно не в его вкусе. Классический прием кнута и пряника.

Отодвинув в сторону шлюху, которая сидит у меня на коленях, безнадежно загораживая обзор, я вижу, как стройная блондинка убирает с глаз волосы. Солдат заталкивает девушек в комнату, и теперь ничто не закрывает ее лицо. У меня на шее вспухают вены, а кровь ударяет в голову. Я смотрю на нее, моргнув пару раз, чтобы убедиться, что глаза меня не подводят.

Не. Может. Быть.

– А вот и вы, мисс Лоусон, говорит Салерно, доставая пальцы из рыжей и спихивая ее на пол.

Перешагнув через нее, он подходит к дрожащей блондинке.

Я всматриваюсь в нее, и к горлу подступает ком. Я узнал девушку в ту же минуту, когда мне удалось как следует разглядеть ее лицо. Слова Салерно только подтвердили это. Держу пари, Саския рвет и мечет от того, что младшая сестра красивее. Сьерра очень похожа на нее. Обоем достались от матери светлые волосы и зеленые глаза, в то время как Серена с каштановыми волосами и ореховыми глазами пошла в Джозефа Лоусона.

Хотя Сьерра похожа на мою бывшую, она совершенно из другой лиги. У нее более утонченные черты. Волосы – совершенно ошеломительного светлого оттенка, ярче, чем у сестры, и фигура гораздо соблазнительнее. В отличие от Саскии все в ней настоящее и естественное.

Сьерра изысканна.

Она как богиня со струящимися светлыми волосами, ее красота совершенна: симметричное лицо, ноги словно от ушей и тонкая фигура с изгибами во всех положенных местах.

Мой маленький Светлячок вырос, и этого нельзя не заметить.

Я никогда не думал, что встречу ее снова.

И уж точно не в таком месте.

Мистер Лоусон всегда был помешан на охране дочерей. Поверить не могу, что он позволил младшенькой свободно разгуливать по Лас-Вегасу. Могу лишь предположить, что Салерно позаботился о ее телохранителе. Он из тех, кто ни перед чем не остановится, чтобы получить желаемое, а судя по тому, как он пожирает ее взглядом, хочет ее он очень сильно.

Ну и черт с ним.

Он ее не получит.

Мой внутренний зверь рычит, по венам бежит адреналин.

Не знаю, как мне спасти Сьерру от того, что уготовил ей Саверио, но я не буду стоять и смотреть, как он уничтожает ее. Я вытащу ее отсюда, даже если это станет моим последним делом.

Глава 5

Сьерра

Страх клещами вцепляется в мое сердце, сжимая все крепче и крепче, пока не становится трудно дышать. Пен истерически вопит, я никогда не видела ее такой напуганной. Я сосредотачиваюсь на подруге, на необходимости защитить ее, потому что только так я не сойду с ума. Одной из нас нужно оставаться собранной, иначе нам обеим не выжить.

Знаю, не нужно было поддаваться на уговоры подруг пойти в вип-комнату – следовало довериться интуиции и удирать. В тот же миг, когда мы пришли в кабинет «Живанши», я поняла, что нам не удастся заставить их уйти.

По иронии судьбы, мы с Пен отлучились из главной комнаты в туалет, чтобы обсудить, как отсюда выбраться. Должно быть, Шрамолицый Салерно приставил к нам надзор, потому что когда мы вышли из туалета, снаружи стоял его головорез. Он сообщил, что проводит нас в частный клуб мистера Салерно в подвале. Я сказала ему, чтобы проваливал, а он не постеснялся достать пистолет и пригрозил пристрелить наших подруг, если мы не пойдём с ним хорошо.

Выбора у нас не было.

– Отпусти, скотина, – шиплю я, а он тащит меня к Саверио. Пальцы охранника так крепко вцепились в мою руку, что останутся синяки. – Мне больно.

По комнате разносится громкое фыркание. Зверюга на диване поворачивает голову и смотрит на меня через плечо, и у меня глаза на лоб лезут. Я вижу на его лице неприкрытую похоть, меня охватывает ужас.

– Уж лучше тебе привыкнуть к боли, принцесса, потому что скоро ее будет еще больше. Он раздевает меня взглядом, облизывая губы, уставившись на мою небольшую грудь.

Я опускаю взгляд на девушку, которая стоит перед ним на коленях и сосет его член. У меня сжимается желудок и подступает тошнота. Я быстро окидываю взглядом комнату, передо мной предстает вся сцена, и горло сжимает паника.

Здесь несколько немолодых страшных мужиков, все на разных этапах сношений с практически голыми женщинами. Девушки выглядят гораздо моложе них и не похоже, что их принуждают. Пара обнаженных девушек крутятся на шестах в другом конце комнаты, а зловещего вида парни стоят в сторонке позади занятых диванов – все в черном и с оружием на поясах.

Что это за место? И кто все эти люди?

Сердце бешено колотится о ребра, я лихорадочно ищу пути бегства, но единственный выход из комнаты – через главную дверь сзади нас.

– Не обращай внимания на моего друга, – говорит Саверио, подходя к нам с жуткой улыбкой.

Есть люди, у которых улыбка озаряет все лицо. Люди, которым улыбка меняет черты, превращая их из обычных в необыкновенных.

С этим же человеком все наоборот.

Его улыбка – как мутные глубины помойной ямы, кишащие опасными для здоровья токсинами. Мне хочется сказать ему, чтобы никогда не улыбался. Что улыбка не идет ему на пользу. Но подобному человеку скорее всего такое понравится.

– Мы собрались здесь ради удовольствия, – говорит он.

От мужчины и женщины с ближайшего дивана доносится низкий стон. Она подпрыгивает на его члене, а он щиплет ее соски, что мне кажется скорее болезненным, чем приятным.

Саверио оттаскивает меня от говнюка, который оставил отметины на моей коже, обхватывает за талию и притягивает к себе. У меня внутри все сжимается от страха, мне так сдавливает грудь, что не хватает воздуха. Пен тяжело дышит, головорез крепко держит ее за руку.

– Вы не можете держать нас здесь против нашей воли, – протестую я, недовольная тем, что мой голос дрожит.

По комнате проносится хохот.

– Если мы не вернемся, наши подруги поймут, что с нами что-то случилось, и позовут на помощь, – добавляю я.

Улыбка Саверио становится еще более злобшей, его рука перемещается по моему бедру на задницу. Меня чуть не тошнит. Я пытаюсь вырваться, но он качает головой и цокает языком.

– Не обижай меня, красавица, – его голос сочится угрозой. – Ты же не хочешь меня обидеть?

Он сжимает мою задницу, и у меня на глаза наворачиваются слезы.

– Не беспокойся насчет подруг. Мой менеджер передал им послание.

Его рука опять перемещается ниже, и он просовывает ее под подол моего короткого платья.

Внутри меня все сжимается, кровь ударяет в голову.

Поверить не могу, что я это допустила.

Поверить не могу, что по глупости опоила Тони, чтобы с кем-нибудь переспать.

Поверить не могу, что уступила уговорам подруг остаться в клубе.

– Они думают, что вы вернулись в отель, – продолжает он, а его пальцы ползут по моему бедру. – К тому времени, как они поймут, что это не так, они будут под кайфом от дармового порошка, который я только что передал на их стол, или так упьются бесплатным шампанским, что им будет все равно.

Его пальцы задевают мои кружевные трусики, и с моих губ срывается сдавленный звук. Боковым зрением я улавливаю какое-то движение на противоположном диване, но я в такой панике, что вижу лишь размытые очертания.

Пен кричит еще громче, и судя по тому, как раздраженно смотрят на нас некоторые мужчины, они не будут долго терпеть ее истерику. Игнорируя мозолистые пальцы на своей заднице, я сосредотачиваюсь на лучшей подруге, взглядом умоляя ее взять себя в руки, пока не получила пулю в лоб.

Руки Саверио блуждают по моему телу, и меня охватывает нечто вроде смирения, я готовлюсь уйти в себя и заблокировать все происходящее. Много лет я таким образом противостояла насмешкам отца и Саскии, но сейчас ситуация совершенно иная. Могу только предполагать, что на уме у Саверио, но что-то мне подсказывает, что мое воображение бессильно представить все мерзости, которые он замыслил для нас.

Я не вижу никакого выхода.

У них пистолеты, и они могут нас убить.

Я бы предпочла согласиться и позволить им насиловать меня в надежде сохранить жизнь.

К Пен подходит голый мужчина, и она кричит. Его отвратительный старый член торчит в ее сторону, как оружие. На его коже запечатлена целая история – и мне бы не хотелось, чтобы эта история оказалась правдой. Его грудь и руки покрыты шрамами, а на плече явный след старого пулевого ранения.

Все эти парни – гангстеры, вот попали мы в переплет.

– Предлагаю сделку, – выпаливаю я.

В этот момент я улавливаю краем глаза движение, которое меня сразу отвлекает.

Саверио хихикает и, просунув руку мне в трусы, обхватывает ладонью ягодицу. К моему горлу подступает тошнота, внутри все бурлит, но я изо всех сил стараюсь держаться.

– Знаю, что ты привлекла меня не просто так. – Он проводит языком по моей шее.

Меня передергивает, и я не успеваю это скрыть. Он опять хихикает, и я знаю, что мой страх только еще больше его заводит.

Пен вопит, и я с ужасом смотрю, как голый мужчина хватается за горло, толкает к стене и поднимает на пару футов от пола.

– Отпустите ее и можете делать со мной что угодно! – кричу я. На грудь словно опускается тяжесть.

Перепуганные глаза Пен встречаются с моими; она синееет.

– Ты не будешь бороться? – Саверио проводит грубым пальцем по моей груди.

– Я не буду бороться. – Потому что знаю: ублюдку это только понравится. – Я буду содействовать. Только пожалуйста, пожалуйста, отпустите ее. Отпустите всех моих подруг, и я ваша.

Слова кажутся ядом на языке, но если это сработает, то я спасу хотя бы Пен.

Саверио кивает голому мужику, и тот бесцеремонно отпускает Пен. Она падает на пол, хватая ртом воздух и держась за горло.

– Рензо! – Саверио подзывает мужчину, который похитил нас у туалета. – Проводи девушку в отель и оставайся с ней, пока не получишь дальнейшие указания.

– Это не входило в сделку.

В ту же секунду, как эти слова срываются с моего языка, я понимаю, что не следовало их говорить.

– Тихо! – рявкает Саверио, беря меня за горло и запрокидывая назад мою голову. – Если хочешь, чтобы твои подруги ушли невредимыми, будет по-моему. Твоих подруг будут охранять, пока я не уверюсь, что они не разболтают. – Он убирает пальцы с моего горла и ухмыляется. – И вообще, все, что происходит в Вегасе, остается в Вегасе.

Если он думает, что я буду смеяться над его попыткой пошутить, то он ошибается.

– Уведи ее отсюда, – рявкает Саверио, когда Пен опять начинает рыдать.

– Сьерра! Так нельзя! – Она прекращает рыдать и с отчаянием смотрит на Саверио. – Пожалуйста, отпустите нас обеих. Мы никому не расскажем. Просто позвольте нам уйти, мы обещаем, что не скажем ни слова.

Он отмахивается от нее небрежным жестом.

– Я люблю тебя, – шепчу я одними губами, когда тот же скотина отрывает ее от пола.

– Прости, – точно так же одними губами отвечает она.

Пен уносят из комнаты, ее вопли звенят у меня в ушах.

– Мои уши говорят спасибо, – отзывается с дивана громила, трахая женщину, которая распростерлась перед ним на столе. – Вы размягчились, босс. Я бы всадил пулю в рот этой суке в тот же момент, как она вошла.

– Салерно, у нас проблема, – произносит глубокий мужской голос, вызывающий воспоминания из самых глубин моей памяти.

Я поворачиваю голову на голос и не верю своим глазам.

О боже мой!

Невозможно.

Не может быть.

Я в шоке изучаю каждый дюйм его красивого лица. Он выглядит как раньше, и в то же время иначе. Старше, словно как следует врос в собственную кожу. Подростком я была влюблена в Беннета Карвера. Я думала, что он самый привлекательный парень на свете, но либо моя память не отдавала ему должное, либо мои тринадцатилетние глаза были слепы, либо он просто стал еще привлекательнее.

Ведь это же Бен?

Такой умопомрачительный, что почти больно смотреть.

Глава 6

Сьерра

Если бы мне не угрожало изнасилование, я бы упала в обморок от пронзительных голубых глаз Бена, прямого носа, точеной линии челюсти, покрытой сексуальной щетиной, и блестящих, густых темных волос, которые мне когда-то так хотелось потрогать. Он тоже в прекрасной форме, широкоплечий, с впечатляющей грудью и рельефными бицепсами. Закатанная по локти рубашка подчеркивает мускулистые руки с темными волосками, которые я нахожу такими привлекательными у парней. Верхние пуговицы его рубашки расстегнуты, открывая крепкую грудь с редкой темной порослью.

– Бен? – выдавливаю я, когда первоначальный шок проходит. – Это и в самом деле ты?
– Светлячок?

Он ухмыляется, выгибая бровь каким-то совершенно новым надменным образом. Его глаза темнеют, он с нарочитой медлительностью окидывает взглядом мое тело, рассматривая меня с головы до ног.

– Ты выросла и стала такой красавицей.

Погодите. Что? Я изумленно пялюсь на него. Уверена, недоверие написано у меня на лице.

Он подходит прямо ко мне, пропускает пальцы через мои волосы, сжимает их в кулаке и дергает, запрокидывая мою голову под неудобным углом.

Мое сердце опять начинает беспорядочно колотиться и биться о ребра, словно хочет выскочить. Бен смотрит на меня – так, будто хочет поглотить, обглодать всю плоть с моих костей. И это не тот Бен, которого я помню. Раньше в его глазах не было этого жестокого блеска. Или, может, он таким и был, а я не видела этого сквозь туман влюбленности.

Сзади на шее у меня проступают маленькие капельки пота, пульс бешено учащается, и я силюсь понять, союзник Бен или враг.

– Ты знаешь эту девушку.

Саверио не спрашивает, и вид у него чертовски раздраженный.

– Да.

Бен выпускает мои волосы, и моей шее становится легче.

Без особой вежливости он вырывает меня из лап чудовища и быстро притягивает к себе. Бен смотрит на Саверио и, несмотря на неприкрытую агрессивность на лице хозяина клуба, не выказывает ни капли страха.

– Как я уже сказал, у нас проблема. Даже две.

Подходит еще один мужчина, придерживая расстегнутые брюки. На вид я бы сказала, что он одного возраста с Беном. У него впечатляющие кубики на животе и не менее впечатляющие бицепсы. Его торс тоже носит следы бурной жизни, и мне интересно, будет ли Бен выглядеть так же, если его раздеть. Это проблематично, поскольку он держит меня так по-хозяйски, словно не может решить, хочет он меня трахнуть или убить. Если бы не смертельная опасность, я была бы целиком и полностью за первый вариант.

– Кто она? – спрашивает незнакомец, материализовавшийся рядом с Беном.

– Младшая дочь Джозефа Лоусона.

– Я должен знать кто это? – осведомляется Саверио.

– «Лоусон Фарма», – подсказывает мужчина с проседью и глазами-бусинами.

– У него обширные связи, и он помешан на защите дочерей, – объясняет Бен. – Если вы ей навредите, вы за это заплатите. Он миллиардер с такими возможностями, что способен превратить вашу жизнь в ад.

Саверио пожимает плечами.

– Я могу справиться с недовольным бизнесменом.

Он точно не знает моего отца.

– Это еще не все. Она младшая сестра моей бывшей. Я часто фантазировал, что с ней сделаю, когда она повзрослеет.

Я таращу глаза, а Бен опять ухмыляется.

– Не притворяйся, что ты тоже об этом не фантазировала, Светлячок, – он выгибает брови. – Ты пускала слюни каждый раз, когда я приходил в дом, и я знал, что ты следишь за нами с Саскией.

Он берет меня за подбородок и наклоняет мое лицо так, что мне приходится смотреть на него.

– Разве ты не представляла, что это тебя я целую? Разве по ночам, лежа в постели, не мечтала обо мне? Трогая свою девственную киску, не делала вид, что это мои пальцы внутри тебя?

Раздаются смешки, и мои щеки вспыхивают. Будто мне снова тринадцать, только на сей раз я хочу убить Бена.

С его губ срывается понимающий смешок.

– Принеси мой пиджак, – говорит он... другу? Коллеге? Приятелю-маньяку?

Я не знаю, кто он, кем приходится Бену и вообще, кто теперь Бен.

Мужчина отходит, с усмешкой берет черный пиджак и возвращается.

– Открой внутренний карман, достань бумажник и вытащи сложенный листок, – распоряжается Бен, и тот подчиняется. – Разверни его.

При виде рисунка у меня вырывается сдавленный звук.

– Ты хранишь его, – шепчу я, борясь с эмоциями.

Он хранит рисунок светлячка, который я нарисовала для него. В нижнем правом углу стоит мое имя и дата.

– О, она и правда тебя любит, – с усмешкой говорит друг Бена.

Саверио хрустит костяшками пальцев, у него такой вид, будто он готов отделать их обоих.

– Я знаю, что у вас были планы, – говорит Бен, уставившись прямо в глаза Саверио. – Но она не для вас. Я положил на нее глаз много лет назад и давно ждал этой ночи.

Он хватает меня за бедро так крепко, что мне больно, и с вызовом смотрит на Саверио.

– Ты мне откажешь? – Саверио сверлит его мрачным взглядом.

– А вы мне откажете? – холодно бросает в ответ Бен. – Это будет не слишком хорошим началом наших новых рабочих отношений.

Друг Бена оглядывается через плечо. Трое вооруженных мужчин подходят и становятся сзади нас. За спиной Саверио тоже выстраиваются фигуры, и атмосфера меняется, напряжение становится ощутимым. У меня кровь стучит в висках, в ушах звенят тревожные колокольчики, я даже дышать боюсь.

– Я не люблю, когда меня оскорбляют у меня дома, – похоже, Саверио готов вцепиться в Бена.

Я хочу что-нибудь сказать, но не знаю что, да и встревать между этими двумя неразумно. Я не понимаю, что происходит. Я больше не знаю кто такой Бен. Но подозреваю, что он пытается выволить меня, так что я должна молчать и поддерживать его. Очень осторожно, стараясь делать это незаметно, я кладу руку ему на поясницу. Он застывает, но вряд ли кто-то это замечает, кроме мускулистого парня, который смотрит на меня с любопытством.

Бен прочищает горло.

– Я не намереваюсь проявлять неуважение и, возможно, мы придем к какому-нибудь соглашению в отношении этой девушки.

– Какому соглашению? – скрежещет сквозь зубы Саверио.

Я бросаю быстрый взгляд на диваны. Все девушки чинно сидят со скучающим видом, по-прежнему голые, и смотрят куда угодно, но только не сюда. Интересно, они накачаны наркотиками или просто так безразличны к этому миру, что больше ни на что не обращают внимания? В какой-то момент кто-то убавил музыку, и она теперь играет негромко, фоном.

– Уступите мне ее, и я буду вам должен личную услугу.

Друг Бена вскидывает голову и на долю секунду выглядит встревоженным, затем его лицо принимает вышколенное нейтральное выражение.

– Это может быть что угодно, и вы можете обратиться в любое время.

Я не могу расшифровать взгляд, который Бен устремляет на Саверио.

Саверио смотрит на него целую вечность, а затем молча обменивается взглядами с высоким мужчиной с проседью. Саверио переводит взгляд обратно на Бена.

– Согласен.

Я чуть не падаю от облегчения, но опасность еще не миновала.

– Но девушка останется здесь с тобой, – Саверио пригвождает меня самодовольным взглядом, и вся кровь отливает с моего лица. – И ты отвечаешь за нее и ее подруг. Если до меня что-нибудь дойдет, я возложу на тебя личную ответственность. За последствия придется заплатить.

– До вас ничего не дойдет. Даю слово. И я соглашусь на ваши требования, если она будет моей и только моей, – Бен мрачно смотрит на зверюгу. – И никто не посмеет к ей прикоснуться.

– Я буду наблюдать, как ты ее трахаешь, и сделка заключена.

Это еще что? Я ощущаю эти слова каждой клеточкой тела. Я коротко взвизгиваю, и Бен пронзает меня свирепым взглядом, предупреждая молчать.

– Хорошо, – говорит он, как будто не согласился только что прилюдно трахнуть меня.

При любом другом раскладе я бы прыгала от радости, но я вовсе не хочу, чтобы Бен трахал меня по обязанности, из чувства вины или чтобы защититься. И меня тошнит при мысли, что все эти отвратительные старые извращения увидят меня обнаженной и в интимной ситуации с Беном. Но это лучше, чем подвергнуться насилию от этих ублюдков. У меня появляется надежда, что я переживу эту ночь, чего нельзя было сказать еще пару минут назад.

– Держись, – Бен поднимает меня, выдергивая из моих мыслей.

Я машинально обвиваю его ногами за пояс, руками обхватываю его плечи, и он несет меня к дивану.

– Пошла прочь, – говорит он голой блондинке, сидящей на краешке.

– Бранди! – орет на нее Саверио. – Тащи сюда свою задницу.

Бросив на меня острый взгляд, она семенит к Саверио. Бен садится на диван, держа меня на коленях.

По моей коже бежит нервная дрожь, сердце кувыркается колесом, а в груди трепещут бабочки.

Бен берет мое лицо в свои большие ладони и неторопливо впитывает мои черты. Проводит большим пальцем по моей нижней губе.

– Такая чертовски красивая.

На миг на его лице появляется знакомое обожание, но так быстро сменяется холодной яростью, что, наверное, мне показалось.

– И чертовски глупая.

Он качает головой и смотрит на меня так, будто хочет задушить. Переместив руку на мой затылок, крепко держит и, наклоняясь вперед, шепчет мне на ухо:

– Подыгрывай мне и ничего не говори.

Он проводит ртом по моей шее, отчего на моей коже танцуют мурашки.

Я закрываю глаза и вдыхаю пряный аромат его одеколона. Этот запах вьется вокруг меня и дурманит. Он пробует языком мою кожу, и с моих губ слетает стон. Я извиваюсь на нем и чувствую, как он твердеет подо мной. Он опускает руки мне на бока, заставляя сидеть смирно. Я открываю глаза и вздрагиваю от того, что он смотрит на меня мрачным, как ночь, взглядом. Его ноздри раздуваются, пальцы впиваются в мои бока, он пронзает меня пылающими голубыми глазами. Затем он переводит взгляд на мой рот, и я забываю дышать.

Катастрофа.

Я это понимаю.

Я по-прежнему нахожусь в сомнительном положении, а Бен явно опасен, если водится с такой компанией. Но я не нахожу в себе ни капли сожаления, потому что он смотрит на меня так, что я забываю про логику и самосохранение.

Он ведет внутреннюю войну, эта борьба отражается на его лице, и я замираю между радостным возбуждением и ужасом.

Но в тот момент, когда его губы касаются моих, все мысли улечиваются, остаются только ощущения, и я сдаюсь. Уступаю своим подростковым фантазиям, когда хотела открыться Бену. Позволить ему делать со мной что угодно, даже если я уже знаю, что он уничтожит меня для всех других мужчин.

Глава 7

Бен

Если бы я уже не знал, что шагаю напрямиком в ад, сейчас получил бы подтверждение. Мягкие губы Сьерры с готовностью скользят по моим, а вырывающиеся у нее звуки убивают меня. Я только целую ее, а она стонет и извивается, будто я ее трахаю. Мой член затвердел как сталь и дрожит от потребности погрузиться в нее как можно глубже. Она запускает пальцы в мои волосы, и мы целуемся. Ее прикосновения воспаляют меня так, как давно уже не бывало.

Я изо всех сил стараюсь оставаться отстраненным. У меня есть небольшой список приятельниц, к которым я обращаюсь при необходимости, и все они понимают положение вещей. И я обычно не целую женщин. Это помогает сохранять отстраненность и воспринимать все как чисто физический акт. С ними это просто секс.

Но со Сьеррой я так не могу.

По крайней мере, я говорю себе, что именно по этой причине сейчас целуюсь с ней как одержимый.

В ней так легко потеряться, но нельзя забывать, где мы, и что опасность еще не миновала. Я чувствую, как Салерно прожигает дыру у меня в черепе. Он перекидывает Бранди кверху задницей через подлокотник своего кресла, но она его мало интересуется. В его представлении я лишил его права трахнуть Сьерру, и он хочет опосредованно отыграться на мне.

В своей жизни я совершил немало плохих поступков, но в этом списке не будет лишения девственности девочки, которая мне небезразлична, перед бандой жестоких извращенцев.

План рискованный, и в итоге нас всех могут убить, если Салерно поймет, что я его провёл, но я приму этот риск, если Сьерра сохранит девственность, чтобы отдать ее тому, кого любит. Парню, который ее заслуживает. Никто в этой комнате даже близко не подходит к этой категории.

– Мы вернулись в детский сад, мальчик? – пыхтит Салерно.

Я неохотно отрываюсь от губ Сьерры и обжигаю взглядом контролирующего засранца.

– Я разогреваю свою девушку, – холодно произношу я, подчеркивая, что она моя и что он согласился на то, что больше никто ее не тронет.

Сьерра замирает у меня на коленях, исходящее от ее тела напряжение кажется осязаемым. Я встречаю взгляд ее изумительных изумрудных глаз, и я потрясен, видя в них откровенное желание. Ее щеки горят, волосы растрепаны, губы опухли от моих поцелуев, и черт бы меня побрал, если это на меня не действует.

– Хватит валять дурака, – рычит Салерно. – Раздень ее.

Он ощупывает глазами Сьерру, и мне хочется выдавить их из его глазниц и засунуть ему в глотку.

Взяв Сьерру за бедра, я ставлю ее на пол и поднимаюсь сам. Притянув ее к себе защитным жестом, говорю:

– Именно это я и собираюсь сделать.

Нахально ухмыльнувшись ему, веду ее к лестнице.

– Какого черта ты делаешь? – кричит Салерно, громко кряхтя.

Я поворачиваюсь как раз в тот момент, когда он опустошает себя в задницу Бранди.

Сьерра дрожит, и я инстинктивно прижимаю ее крепче.

– Иду наверх.

– Какого хрена, – шипит Салерно, выдергивая член. Из задницы Бранди капает на бедра, и я знаю, что Сьерра это видит, потому что она отчаянно дрожит, прижимаясь ко мне. – Сделка была, что ты позволишь мне смотреть.

– И ты сможешь смотреть. Или из спален убрали камеры?

Я вздергиваю бровь, наслаждаясь тем, что одержал верх. Один из первых уроков отца гласил: всегда осторожно выбирай слова, и это был хороший совет.

Если бы под рукой у Салерно был пистолет, он бы скорее всего меня пристрелил. Но мы заключили сделку. Мы оба дали слово, и он знает, что ничего не может сделать. Он все равно будет смотреть. Просто не так близко и не присутствуя лично, как он полагал.

– Я бы пристрелил тебя прямо сейчас, мальчик, если бы этим не развязал войну, которую мне не выиграть.

Он сжимает челюсти и хватает со стола бутылку скотча, свирепо глядя на меня. Потом переводит взгляд на Сьерру, и она храбро выдерживает его.

– Давайте не будем реагировать слишком бурно, – я умышленно поворачиваюсь так, чтобы он смотрел на ее профиль. Мне не нужно, чтобы он залез ей в голову до того, как план будет полностью исполнен. – Вы все равно получите то, что хотите. Незачем проливать кровь.

Мы уходим, и он больше ничего не говорит, но всю дорогу до лестницы его пренебрежительный взгляд сверлит мне спину. Один из моих солдат молча следует за нами, чтобы стоять на страже, и занимает позицию перед средней спальней, в которую я завожу Сьерру.

Закрыв дверь, я прислоняюсь к ней и тяжело выдыхаю, молясь о том, чтобы у меня хватило сил. Сьерра останавливается посреди комнаты – неуверенная, но чертовски красивая. Из члена начинает сочиться, он болезненно упирается в молнию, требуя освобождения. Уже несколько недель у меня не было секса, и мой самоконтроль дошел до предела.

Сьерра тянется за спину, и тишину нарушает звук расстегиваемой молнии.

– Пока не надо.

Я отталкиваюсь от двери и иду к ней. Ее глаза горят в распутном желании, а губы размыкаются в ожидании.

– Не снимай пока платье, – велю я, провожу пальцами по ее щеке и опускаюсь на кровать. – Скинь туфли.

Я тоже сбрасываю обувь, опираюсь на изголовье и похлопываю себя по коленям, приглашая ее. Она медленно залезает на кровать. Не знаю, умышленно ли она двигается так соблазнительно, но она испытывает мой самоконтроль, когда, сексуально виляя задницей, заползает на меня и снова усаживается у меня на коленях.

Притянув вниз ее голову, я облизываю ее изящную шею, вдыхая чудесный цветочный аромат ее духов.

– Расслабься, – шепчу я ей на ухо. – Я о тебе позабочусь.

– Я доверяю тебе, – шепчет она в ответ.

По-прежнему такая глупая.

Я завладеваю ее губами, и в этом поцелуе нет ничего нежного. Грубо просовываю язык между ее губ и исследую. Не знаю, что она пила, но у нее вкус фруктов, и это только добавляет привлекательности. Я позволяю своим рукам блуждать по ее великолепному телу, исследуя каждый изгиб и ямочку, до которых могу дотянуться. Она опять двигается на мне, трется бедрами о мои. Из члена опять сочится. Если так пойдет дальше, я могу кончить в боксеры, как бывало в подростковом возрасте.

Она расстегивает мой ремень и молнию, просовывает руку в боксеры и обхватывает ладонью член. Я прикусываю ее нижнюю губу и протягиваю между зубами; вся кровь из моего тела отливает вниз. Она сжимает пальцы, и побуждение трахнуть ее накатывает на меня со страшной силой.

– Сними трусы, – требую я и наклоняюсь, чтобы лизнуть нежные округлости ее груди.

Она слезает с меня, ложится на спину и стягивает черные кружевные трусики с великолепных длинных ног. Садится, но я толкаю ее обратно, раздвигаю ее ноги и становлюсь на колени между ее соблазнительных бедер.

Черт, не следует этого делать, но нужно, чтобы все выглядело по-настоящему. Иначе Салерно учует неладное, и вечеринка превратится в кровавую бойню.

Медленно и осторожно проводя руками вверх по ее ногам, я не свожу глаз с ее лица и вижу только доверие, желание и потребность. Я нависаю над ней, прижимаю губы к ее рту, засовываю пальцы под ее платье и веду их по внутренней стороне бедра. Она дрожит подо мной, на ее щеках появляется легкий румянец.

– Чертовски красивая, – повторяю я, снова целую ее, и сажусь на пятки.

Задрав ее платье до талии, я сразу опускаю голову к ее лону так, чтобы этот говнюк мало что увидел. Она голая. Все розовое, блестящее и мое. Раздвинув ноги пошире, она, как жертвенный ягненок, с готовностью открывает себя и приветствует меня.

Я наклоняюсь и погружаю в нее язык, а мои бедра безотчетно двигаются на одеяле. Я забываю где я и с кем, поглощая ее, грубо трахая ее пальцам и языком. Ее аромат кружит вокруг меня, пробуждая из спячки моего внутреннего зверя. Я беру ее ноги и закидываю себе на плечи, а она поднимает бедра, чтобы мне было удобнее. Я пожираю ее как голодающий, который добрался до шведского стола, яростно поглаживая двумя пальцами клитор и трахая языком.

Из ее рта вырываются безумно жаркие звуки, и если она не перестанет, я не смогу сдержаться. Она загорается у меня на глазах, бесстыдно подставляя себя, и взрывается. Ее пронзает оргазм, бедра дергаются, тело бьется в спазмах. Я снимаю брюки и боксеры, наблюдая за ней. Не давая ей времени прийти в себя, я переворачиваюсь вместе с ней так, что она снова оказывается на мне. Я стараюсь не снимать с нее платье и располагаю ее так, что мой горячий член упирается в ее анус. У меня вырывается стон от этого ощущения, и я борюсь с почти непреодолимым желанием трахнуть ее в задницу.

Она пытается переместиться ниже, и я слегка качаю головой, вжимая пальцы в ее бока, чтобы удержать ее на месте. На ее лице отражается недоумение, а я сажусь, обхватываю ее спину, прижимая ее тело к себе, и шепчу ей на ухо:

– Нужно, чтобы все выглядело по-настоящему. – Я покрываю поцелуями ее шею. – И ты должна казаться напуганной.

Салерно ожидает этого от любой девственницы.

– Я буду двигать бедрами, как будто я внутри тебя. Позволь мне управлять ритмом, но ты должна раскачиваться на мне взад-вперед, как будто мы трахаемся. Через некоторое время можешь немного постонать.

– Ты не собираешься меня трахать? – шепчет она.

Я улавливаю в ее тоне что-то еще, помимо незащитности. Отведя голову назад, заглядываю ей в глаза. У Сьерры всегда душа была нараспашку, и я отчетливо вижу боль от моего отказа.

– Я не собираюсь таким образом лишать тебя девственности, – шепчу я ей в рот, поднимая бедра и издавая вовсе не притворный стон, когда член прижимается к ее заднице.

Она поворачивает бедра и, глядя мне прямо в глаза, шепчет:

– Я не девственница, и я думаю, что ты должен это сделать. Я знаю, что ты не хочешь, и сожалею, что заставляю тебя, но если ты этого не сделаешь, то сделает он, а мне невыносима мысль, что этот человек окажется рядом со мной.

Я открываю рот спросить, не спятила ли она, но молчу. Если я признаюсь, что мне трудно сдерживаться и она меня ни к чему не принуждает, то только создам у нее неправильное впечатление. На мне сидит красивая девушка, а у меня давно не было секса. Конечно, я хочу ее. И теперь, когда мне дали зеленый свет, я больше не вижу причин сдерживаться.

Взяв ее лицо в ладони, я спрашиваю взглядом. Ее ответное выражение непреклонно и, несомненно, утвердительно.

Теперь пути назад нет.

Салерно ожидает шоу. Первоначально я планировал не раздевать ее, чтобы скрыть то, что мы не трахаемся по-настоящему, но теперь нет необходимости рисковать. Она может быть голой, и все равно я могу заслонить ее так, что он увидит что-то лишь мельком.

Расстегнув молнию на ее платье, я помогаю его снять и отбрасываю прочь. Сьерра остается полуобнаженной. Не сводя с нее глаз, я расстегиваю ее лифчик без бретелек, и он падает. С пересохшим ртом и трясущимися руками я внимательно рассматриваю ее тело.

Она само совершенство.

Произведение искусства, изваянное богами.

Меня охватывает почти непреодолимая жажда потрогать каждый дюйм ее тела. Я не могу насмотреться. Ее грудь вздымается, она нервно проводит зубами по нижней губе. Ее груди идеальны – не большие, но и не слишком маленькие. Как раз уместятся в руке. Аккуратные розовые соски так и просят, чтобы их сосали и гладили. Мой член тяжелеет между бедер, с него опять сочится, и я больше не могу сдерживаться ни секунды.

Уложив ее на спину, я раздвигаю ее ноги и погружаюсь в нее одним сильным толчком. Она стонет, и я теряю последние остатки самоконтроля. Я трахаю ее, трахаю и трахаю. Со стонами и проклятиями проталкиваюсь в нее снова и снова. Ее тугие стены сжимают мой член, и в глазах вспыхивают звезды.

Потная рубашка прилипает к моей груди, и я срываю ее – пуговицы летят во все стороны.

Я переворачиваю ее на четвереньки и снова всаживаю в нее член, а она испускает крик. Придерживая ее одной рукой за бок, чтобы контролировать свои толчки, свободной рукой я играю с ее грудью. Переключая внимание, я тереблю ее затвердевшие соски, тяну их и пощипываю. Я погружаюсь в нее и выхожу, ее тело дергается от толчков.

По моей спине течет пот, я трахаю сильнее, придавив ее голову вниз, к одеялу и вздернув повыше ее бедра, чтобы погружаться глубже. Я убираю пальцы с ее груди, перемещаю на клитор и яростно глажу. Мои яйца твердеют, поднимаются, по спине пробегает знакомое покалывание. Я с ревом изливаюсь в нее, вхожу и выхожу, пока оргазм не истощается и я не опустошаюсь.

Но я не удовлетворен. Нисколько. Мне нужно еще.

– Приведи себя в порядок, – рявкаю я. – Мы уходим.

Я поспешно одеваюсь, оставив разорванную рубашку на полу, и слежу голодными глазами, как одевается она. Когда я буду трахать ее в следующий раз, хочу, чтобы ее стройные ноги обвивали мои плечи. Засовывая ноги в ботинки, набираю сообщение Лео. Потом подхватываю ее туфли на шпильках, беру ее за руку и тащу прочь из комнаты. Мы спускаемся по ступеням, и мой солдат следует за нами.

Лео и остальные мои люди ждут у подножия лестницы.

– Так быстро уходишь, Маццоне?

Салерно ухмыляется с дивана. Широкий экран опущен, на нем застыла комната, из которой мы только что вышли. Этот мудака выставил зрелище на всеобщее обозрение. Несколько парней трахают шлюх, остальные поглаживают члены, ухмыляясь мне, выражая свое мнение. Мне хочется отрезать все члены и засунуть им в задницы.

Я разворачиваю Сьерру лицом к себе и прижимаю ее голову к своей груди, надеясь, что она еще не заметила экран. Внутри меня бушует ярость, и она направлена не на Салерно.

Я потерял контроль.

Я слишком сильно наслаждался ею.

Но сейчас корить себя бессмысленно. Что сделано, то сделано, я не могу обратить время вспять или найти в себе сожаления, потому что мой член по-прежнему упирается в молнию и требует снова погрузиться в нее. Сейчас я просто хочу увести ее отсюда.

– Вы получили что хотели, и наши дела завершены, – говорю я, с предостерегающим взглядом передавая Сьерру Лео.

Он кивает, сразу все понимая, и выводит ее в коридор. Один из моих *soldati* – смывленный парень, посвященный год назад, выходит вперед в одной майке и подает мне свою черную рубашку. Я продеваю руки в рукава, подхожу к Салерно и протягиваю руку.

– Если мой отец узнает о том, что я сделал, он мне яйца оторвет. Так что я должен убедиться, что все останется в тайне.

– Я человек слова, – говорит Салерно, хотя это совершенно излишне.

Мыжимаем друг другу руки, и я киваю.

– Было приятно иметь с вами дело, – добавляет он.

Мне хочется выбить с его лица эту самодовольную ухмылку. Скорее всего, он потратит личное одолжение на то, чтобы заставить меня жениться на своей дочери, но какое-то время не будет об этом заикаться. Умный человек подождет подходящего момента. Анаис всего одиннадцать, а по традиции девушек редко выдают замуж раньше восемнадцати, поэтому у меня есть несколько лет, чтобы смириться с последствиями спасения Сьерры.

– Будем на связи.

Я коротко киваю Руссо и Гамбини, направляюсь к выходу, на ходу застегивая рубашку, и открываю дверь в коридор.

Лео ждет с моими людьми, слегка придерживая за плечо Сьерру. Я хмуро смотрю на него, и он с усмешкой убирает руку. Я беру Сьерру за руку и тяну вперед.

– Идем.

Мне нужно оказаться как можно дальше от этой комнаты, пока я не передумал и не перебил их всех.

Глава 8

Сьерра

Моргая, я открываю глаза, облизываю пересохшие губы и озираюсь вокруг. Определенно это не наш номер в «Белладжио». Я шевелюсь на кровати, и приятная боль в теле помогает вспомнить. Повернувшись, я вытягиваю руку, но другая половина постели холодна как камень. Я сажусь, прижимая к обнаженной груди черную шелковую простыню. Где же Бен? Убираю с лица спутанные волосы и осматриваю спальню. Никого. Я слезаю с огромной кровати, и мое тело протестует.

Болит везде. Устойчивая боль между ног, и немного ноет задница. Я зеваю, понимая, что спала не слишком долго, хотя понятия не имею, который час. Захожу в ванную комнату, справляю нужду, стираю с лица остатки макияжа и включаю душ. Мне не хочется смывать с себя запах Бена, но я потная, грязная, и кожа чешется.

Я стою под горячими струями, задрав подбородок, чтобы вода текла по лицу, и мои губы изгибаются в шальной улыбке. В голове всплывают воспоминания о прошлой ночи. Наверное, мне следовало сосредоточиться на затруднительном положении, в которое я попала, и поблагодарить за то, что вышла из него невредимой, но я была целиком и полностью поглощена умопомрачительным сексом, которому мы предавались всю ночь.

Эта ночь превзошла мои самые смелые мечты.

Когда мы покинули «Пламя», я полагала, что он отвезет меня в мой отель, но он взял меня в свой номер и использовал мое тело, пока мы оба не рухнули в изнеможении. У меня затвердевают соски и пульсирует внутри от вновь возникшего желания, когда я вспоминаю все способы, которыми он брал меня. Его страсть была как неутомимый поезд, который, набирая скорость и разгоняясь до двухсот миль в час, увлекал меня за собой.

Это никак нельзя назвать занятием любовью.

Он трахал меня, словно мы дикие животные, не ведающие ограничений. Как люди с самым минимумом приличий, и мне это чертовски нравилось. Он вводил в меня член со свирепостью, о которой я раньше не подозревала, и я стала совершенно новым существом, не ведающим запретов и охваченным буйной жадной исследовательской.

Я краснею, вспоминая, как отдала ему анальную девственность, но несколько об этом не жалею.

Я не жалею ни о чем. Да и как я могу жалеть, если он – единственный, о ком я мечтала годами? Мои детские фантазии ничуть не соответствовали реальности. И мой ограниченный сексуальный опыт не подготовил меня к такому мужчине, как Бен. И ничего не подготовило. Я знала, что он уничтожит меня для всех других, и я была права.

Не могу представить, что какой-то другой мужчина может с ним сравниться.

И что какая-нибудь другая ночь будет настолько волшебной, как прошлая.

Но я больше не наивная тринадцатилетняя девочка, а Бен – не тот парень, которого я знала. Мы не разговаривали прошлой ночью – его грубые команды и грязные ругательства не в счет – и у меня есть вопросы, требующие ответов. Например, как он познакомился с Саверио Салерно? Кто те люди, что были с ним, и почему его теперь все зовут Беннетом Маццоне? Где он был все это время?

После душа я высушиваю волосы и одеваюсь во вчерашнее платье, а затем выхожу из спальни в основную часть большого номера, неся туфли в руках.

Сначала я замечаю Бена – он сидит в кухонном уголке, уткнувшись в ноутбук, и не замечает меня. На нем белая рубашка и черные брюки, но ноги босые. Есть что-то невероятно сек-

суальное в мужчине без носков и обуви – даже не поверите, как меня это возбуждает. Мне в лицо бьет аромат его пряного одеколона, я дергаю ноздрями и не могу сдержать широкой улыбки.

Подойдя к нему сзади, я обхватываю его руками и прижимаюсь щекой к его теплой спине.

– Доброе утро.

Я целую его в шею, наслаждаясь ощущением его кожи на моих губах.

Он заметно напрягается, поднимает голову от ноутбука, но не поворачивает.

– Что ты делаешь?

Его голос звучит резко, и в нем сквозит какой-то подтекст, которого я не понимаю.

Я отшатываюсь, проглатывая внезапно подступивший к горлу ком. Мои нервы напряжены. Я обхожу стол, чтобы оказаться лицом к лицу с Беном.

– Что ты имеешь в виду? – Я озадаченно сдвигаю брови.

Он смотрит на меня, прищурившись. Уголок его рта приподнимается в ухмылке.

– Почему ты еще здесь? С чего ты решила, что можешь со мной разговаривать? Прикасаешься ко мне без разрешения?

Из всех его пор сочится враждебность, как туман, и я делаю шаг назад, словно это защитит меня от ужасного настроения, исходящего от него.

Я открываю и закрываю рот, но не могу произнести ни слова.

– Ты язык проглотила?

В выражении его лица нет ни малейшего тепла. В холодных льдисто-голубых глазах – ни следа вчерашней мрачной похоти.

– Зачем ты так? – Я защитным жестом складываю на груди руки, чувствуя себя уязвленной.

– Ты сказала, что не девственница, значит, должна быть знакома с понятием связи на одну ночь.

Его тон намекает, что ему уже наскучил этот разговор. Игнорируя меня, он опускает взгляд и снова переключает внимание на ноутбук.

Меня злят его слова и явное пренебрежение к тому, что мы разделили. Внутри вспыхивает гнев, и я сердито смотрю на него. Ну почему он такой красивый паршивец, а мое сердце – такой жалкий орган, почти лишенный самоуважения?

– Я знаю, что такое связь на одну ночь, козел. И прошлая ночь такой не была.

Он опять поднимает голову и устремляет на меня ядовитый взгляд. Я инстинктивно отхожу еще на несколько шагов назад.

Саверио – человек, который гордится тем, что внутри он чудовище, и любит выставить напоказ свою истинную сущность. Глядя сейчас на Бена, я вижу такое же чудовище, притаившееся за прекрасной внешностью. Я думала, что Саверио – единственный, кого мне нужно бояться, но теперь понимаю свою ошибку. Бен представляет собой то же, что и Саверио. Просто предпочитает это скрывать. Скорее всего, целенаправленно – чтобы заманивать в ловушку ничего не подозревающих жертв.

– Похоже ты тешишь себя иллюзиями. Позволь их развеять.

Бен встает. Теперь, когда я босиком, он возвышается надо мной как темная тень, заслоняющая весь свет.

Воздух дрожит от напряжения. Бен идет ко мне, а я отступаю назад.

– Бен, – зовет его кто-то.

Я резко поворачиваю голову и только теперь замечаю еще четырех человек. Его друг идет к нам. Это тот парень, который вывел меня из подвала прошлой ночью. окидывает меня в равной степени любопытным и настороженным, но не злым взглядом.

– Я не думаю...

– Если бы я хотел твоего совета, Лео, я бы о нем попросил, – отрывисто говорит Бен. Лео останавливается и прислоняется к колонне посреди большой комнаты без перегородок. – Это наше со Светлячком дело.

Он так насмешливо произносит мое прозвище, что мне становится больно. Раньше Бен никогда так со мной не говорил, и я не понимаю, почему он сейчас так стремится уколоть меня. Ясно, что для него это всего лишь связь на одну ночь, и не то чтобы у меня были какие-то большие ожидания. Я живу в Чикаго, а он... а он черт знает где. Я вовсе не предвкушала прогулок рука об руку на закате, но ожидала уважения и что мы хотя бы расстанемся друзьями.

Это все чушь собачья, и он не имеет права меня унижать.

К моей груди и шее приливает жар, но я прекращаю пятиться, поднимаю подбородок и устремляю на Бена собственный убийственный взгляд. Да пошел он. Ему не удастся меня запугать. Особенно после того, что у нас было прошлой ночью.

– Тогда просвети меня, – шиплю я. – Раз уж ты такая большая шишка.

На его красивом лице танцует мерзкая усмешка.

– Ты все та же маленькая девочка, пытаешься вписаться в мир, которому не принадлежишь.

Он знает, что это жестокий удар, эти слова проникают глубоко и ранят в самое сердце.

– Ты ничего обо мне не знаешь. О том, какая я сейчас.

Он подходит прямо ко мне и сверлит холодными глазами, лишенными всего человеческого.

– Я знаю, что ты глупая девочка, которая угодила в львиное логово. Скажи, что бы ты делала, если бы я не оказался там прошлой ночью?

Я ловлю ртом воздух и не могу ничего ответить, потому что, по правде говоря, у меня не было выбора, и мы оба это знаем. Мой гнев немного стихает, когда я вспоминаю, как он спас меня.

– Спасибо, что спас меня, – говорю я, потому что, кажется, ночью я его так и не поблагодарила.

Он фыркает.

– Ты меня уже отблагодарила.

Я хмурюсь, потому что не помню, чтобы такое говорила.

На его лицо возвращается грубая усмешка.

– Поблагодарила своей тугой киской и девственной задницей.

Мои щеки вспыхивают, гнев возвращается с десятикратной силой. Как смеет он говорить мне такое, особенно перед друзьями?

– Пошел в жопу, Бен.

– Уже был там, Светлячок, и там нет ничего такого незабываемого.

Мои глаза щиплет от слез, нижняя губа дрожит. Грудь пронзает боль – его слова слишком остры.

– Вот она, – Бен крепко сжимает мой подбородок. – Ранимая девочка, которая так отчаянно хочет быть любимой.

Он заливает кислотой все мои воспоминания, и я никогда ему этого не прощу. Никогда.

– Ты не такая, как твоя сестра, – добавляет он, вгоняя нож еще глубже. – Тебе никогда не стать Саскией.

Я никогда и не хотела быть ею. Может, он думает, что оскорбляет меня, но это величайший комплимент. Я вовсе не огорчена тем, что он предпочитает ее мне. Сейчас мне кажется, что трудно найти двух людей, так заслуживающих друг друга.

– Жаль, что она уже замужем и ты упустил свой шанс.

У него вырывается смешок.

– Ты думаешь, что такой пустяк, как обручальное кольцо, мешает мне делать что я хочу? Ведь я же получил тебя? Для этого не потребовалось никаких усилий. Наверное, поэтому это не доставило особого удовольствия. Саския же всегда была вызовом.

Я отвешиваю ему пощечину; трое мужчин вскакивают с дивана и машинально тянутся к пистолетам на поясах. Лео качает головой, и они останавливаются – не садятся обратно, но и не идут дальше.

– Я передам ей твои поздравления, – говорю я, разворачиваясь на голых пятках.

Я готова убираться отсюда к чертовой матери, но он рывком притягивает меня обратно. Прижимает меня к себе, крепко обхватывает предплечьем шею под подбородком, мешая мне дышать и удерживая на месте. Меня охватывает паника, я изо всех сил стараюсь контролировать дыхание и не тратить оставшийся в легких кислород.

– Слушай внимательно, Светлячок. Ты ни словом никому не заикнешься о прошлой ночи. Ни о чем из того, что случилось. Прошлая ночь была лишь плодом твоего воображения. Можешь считать меня мерзавцем, но Саверио Салерно – совершенно иной тип мерзавца. Которого ты не захочешь злить. Не вынуждай меня причинять тебе вред, – он отталкивает меня. Хватая ртом воздух, я цепляюсь за кухонный стол, чтобы не упасть. – А теперь убирайся и не возвращайся.

Мне не нужно повторять дважды. Я выскакиваю из номера, вытирая с лица горячие злые слезы.

Глава 9

Сьерра

Я топаю через лобби престижного отеля «Венецианский», не заботясь о том, что на меня glareют. К черту зевак – я их не знаю и больше их не увижу. Я показываю средний палец пожилой чете, которая качает головами и смотрит на меня с отвращением. Отец пришел бы в ярость, если бы видел меня сейчас, но я взбешена и расстроена, и меня волнует только то, как побыстрее убраться отсюда.

Я выхожу на тротуар и только здесь понимаю, что у меня нет ни сумочки, ни телефона, ни денег. Все равно можно взять такси и уговорить водителя подойти к нашему номеру и там ему заплатить. Я иду к свободному такси, но ко мне подходит мужчина в элегантном черном костюме.

– Мисс Лоусон?

Я смотрю на него, с подозрением прищурившись.

– А вы кто?

– Мистер Маццоне попросил отвезти вас в «Белладжио».

Он открывает дверь черного «мерседеса» с тонированными стеклами. Я не двигаюсь с места, и он поднимает бровь. У меня возникает искушение сказать, куда он может пойти со своей машиной, но в такой глупости нет никакого смысла, поэтому я залезаю на заднее сиденье и позволяю отвезти меня к отелю. Всю дорогу я киплю от злости.

– Слава богу! – визжит Пен, бросаясь ко мне, как только я вхожу в наш номер. – Я с ума схожу от беспокойства.

Она крепко обнимает меня. Я вцепляюсь в нее – мне так сильно нужно дружеское объятие. Она отходит назад и разглядывает меня с головы до ног.

– Ты в порядке? Ты не пострадала?

– Я в порядке. И я не пострадала, – я очень пострадала. Я осматриваю пустой номер и хмурюсь. – А где все?

– Эсме в душе. Тони где-то сходит с ума, а остальные девчонки в казино.

Вот черт. Я тру руками лицо. Я и забыла о телохранителе. Неудивительно, что Тони сходит с ума. Нужно найти его, пока он не позвонил отцу. Надеюсь, тот факт, что я пропала без вести, означает, что он еще не позвонил. Отец бы рвал и метал, если бы узнал, что я потерялась в Вегасе без охраны, а Тони остался бы без работы. Надеюсь, у него достаточно выражено чувство самосохранения, чтобы воздержаться от такого звонка.

Пен трогает меня за руку и морщит лоб.

– Ты уверена, что в порядке?

– Да. Честное слово.

Я замечаю у нее синяки под глазами – она явно провела бессонную ночь. Я вспоминаю, как она была вчера напугана.

– А ты? И что было, когда ты ушла?

– Я в порядке. Слушай, почему бы тебе не переодеться? Я закажу еду в номер, и мы втроем поговорим.

Я киваю.

– Хороший план.

Я быстро ищу Тони, но его нет в номере. Захожу в свою комнату, переодеваюсь в лосины и мешковатую рубашку, едва прикрывающую зад. Собираю волосы в небрежный пучок на макушке и обуваю мягкие тапочки. Моя сумочка лежит на тумбочке – спасибо, что кто-то из

подруг принес ее. Проверяю содержимое – все на месте. Мобильник выключился, я ставлю его заряжаться, и тут кто-то стучит в дверь. Я открываю и обнаруживаю разъяренного Тони. Вздыхаю. Я не в том настроении, чтобы выслушивать нотации, но нет смысла откладывать неизбежное. К тому же я заслужила.

– Заходи.

Он врывается в комнату и протискивается мимо меня, раздувая ноздри. Лицо у него красное, словно он поднимался бегом все тридцать шесть этажей.

– Твою ж мать! Ты меня в гроб загонишь.

Он тяжело переводит дух, осматривая меня с головы до ног. Довольный тем, что я цела и невредима, хватается меня за плечи.

– Где тебя черти носили?

– На вечеринке? – Я пожимаю плечами и смущенно улыбаюсь, не зная, что делать с Тони, когда он в таком настроении.

– Не прикидывайся, – он убирает руки с моих плеч и проводит пальцами по своим коротким волосам. – Знаешь, как я волновался? Я с ног сбился, тебя разыскивая.

Он сердито смотрит на меня. Не сомневаюсь, он готов меня придушить.

– Сьерра, тебе придется многое объяснить. Твой отец будет недоволен.

Я чуть не давлюсь языком.

– Пожалуйста, скажи, что ты не говорил с моим отцом, – бормочу я, плюхаясь на край кровати.

Он потирает переносицу.

– Еще нет, но он разрывает мой телефон, и нужно ему перезвонить.

Я выпрямляюсь.

– Ты не можешь ему сказать. Он меня в порошок сотрет, а тебя сожжет заживо.

Пусть мне уже двадцать один, но я все еще живу в родительском доме, и отец найдет множество способов меня наказать.

– Думаешь, твой отец платит мне за твою защиту шутки ради? – кричит он.

– Нет. Конечно, нет.

– Ты хоть представляешь, в какой опасности была прошлой ночью?

Он качает головой, глядя на меня со смесью гнева и озабоченности.

Да, дружище. Я знаю, как была близка к тому, чтобы меня изнасиловали и убили. Но сказать не могу, поэтому сжимаю губы. Пусть выговорится – может, ему полегчает.

– Значит, ты меня ненавидишь? – Он вскидывает брови до самой линии волос. – Вот так? Хочешь, чтобы меня сожгли, или надеялась убить?

– Не будь смешным, – так драматизировать не в характере Тони. – Может, я ненавижу то, что ты представляешь, но не тебя лично. Я дала тебе несколько таблеток снотворного, а если бы хотела убить, то подсыпала бы яду.

– Не смей говорить так легкомысленно. Это не смешно, – бросает он.

Такое тоже не свойственно Тони, он всегда спокоен и всегда ко мне добр.

– Сьерра, я проспал до шести утра. Я вырубился на двенадцать часов. За это время с тобой могло случиться что угодно. Мне ничего не оставалось, как взять с Пен слово, что ты в безопасности. Знать, что ты с каким-то парнем, которого я не проверил, без сумки и телефона... – Он трет щетину на подбородке, качая головой, и вздыхает, пронзая меня страдальческим взглядом. – Я так переволновался.

Я сразу начинаю корить себя, потому что правота его слов написана у него на лице. Я наклоняюсь вперед, опираясь на локти.

– Мне правда жаль, Тони. Я совершила ужасный поступок. Тут не было ничего личного. Клянусь, я просто хотела свободы и повеселиться, когда ты не следишь за каждым моим шагом и не докладываешь отцу.

- И как? – спрашивает он.
- Что «как»? – хмурюсь я.
- Повеселилась?

Его черты чуть смягчаются, он выжидающе смотрит на меня. Судя по его лицу, он понимает, почему я так поступила. Может, даже одобряет на подсознательном уровне. У меня в груди растекается тепло. Я рада, что мой телохранитель – Тони. Он хорошо меня знает и, хотя все еще хочет меня придушить за то, что я рисковала собой, понимает мой поступок.

Я с улыбкой киваю.

– Да.

В основном.

Он наклоняется надо мной и сдвигает брови, осторожно трогая мою шею. Прищурившись, внимательно рассматривает легкие синяки размером с пальцы на моем горле.

– Тебе кто-то причинил боль?

Прежние эмоции в его глазах сменяются гневом и страхом. У него такой вид, будто он готов кого-нибудь прибить.

– Нет. Это не то, чем кажется. – Я внутренне съеживаюсь. – Это было по согласию.

– Уверена, что никому не нужно надрать задницу?

У меня вырывается смешок при мысли о том, что Тони попытается драться с Беном и его вооруженными до зубов друзьями.

– Уверена.

Он выпрямляется.

– Сьерра, такое не должно повториться. Я не просто так приставлен тебя защищать. Есть множество чокнутых, которым хотелось бы добраться до твоего отца через тебя. Если бы прошлой ночью с тобой что-нибудь случилось, я бы не смог с этим жить. Твоя безопасность для меня не просто работа.

Я без колебаний подсакиваю и обвиваю его руками. Он не медля отвечает на объятие, и мы наслаждаемся этим редким и недолгим моментом единения.

– Я тоже тебя люблю. И мне честно, искренне жаль. Обещаю, я больше так не буду.

– Ладно.

Он со свистом выдыхает через рот, и последние следы его гнева тают.

– Итак, это останется между нами. Хорошо? – Я смотрю на него щенячьими глазами.

– Хорошо, – он со вздохом проводит рукой по загривку. – Но не заставляй меня об этом пожалеть. Если твой отец узнает, что случилось и что я это скрыл от него, он не просто надерет мне задницу.

– Он не узнает. Обещаю.

Я уверена, что Пен и Эсме будут хранить секрет до могилы. Остальные девчонки не бывают у меня дома, отец даже не знает их имен, так что все хорошо. Я облегченно вздыхаю. Одной проблемой меньше.

Я выхожу следом за Тони в гостиную к моим двум лучшим подругам и наблюдаю, как он выходит из номера, чтобы занять пост в коридоре.

– Не знала, чего ты хочешь, поэтому заказала всего, – Пен показывает на поднос с холодными и горячими закусками на длинном кофейном столике.

Мой желудок одобрительно урчит, напоминая о том, что я не ела со вчерашнего ужина.

– Кстати, который час?

– Начало третьего, – отвечает Эсме, обнимая меня.

Ничего себе! Наверное, я спала дольше, чем полагала.

– Пен разбудила меня в восемь и рассказала, что случилось. – Эсме отодвигает меня на длину вытянутых рук и рассматривает со слезами на глазах. – Ты в порядке?

– Да, – заверяю я.

– Это моя вина. Мне так жаль. Мне не следовало идти за этим человеком.

– Не следовало, – соглашаюсь я, накладывая в тарелку горку картошки фри и бургер с курицей. Потом добавляю немного салата, чтобы уменьшить вредное воздействие грозящего инфарктом блюда.

Если бы я не злилась так на Бена, то рассердилась бы на подругу. По правде говоря, безрассудство Эсме едва не стоило нам с Пен жизнью. Если бы не Бен, кто знает, сидели бы мы с ней здесь сейчас.

– Уверена, что ты не пострадала? – спрашивает Эсме, прикусывая нижнюю губу.

– Уверена. По крайней мере не физически.

Пока мы едим, я рассказываю обо всем, а они внимательно слушают. Эсме перебивает и ругается как сапожник, когда я дохожу до того, как Бен оскорбил меня и практически вышвырнул из номера.

– Вот сволочь, – кипит Эсме. – Я подумываю отправиться в «Венецианский» и выложить ему все, что думаю.

Очередная безрассудная идея.

– Оно того не стоит, и это слишком опасно. – Сомневаюсь, что Бен и его дружки носят пистолеты как аксессуары. – Кроме того, я больше не хочу его видеть.

– Паршиво, детка, – Пен смотрит на меня с сочувствием. – Я помню, как ты по нему чахла.

– Он не стоил твоего обожания, – поддерживает Эсме. – Но странно, что он хранит в кармане твой рисунок.

– Думаешь, он знал, что мы будем там? – снова встревожившись, спрашивает Пен.

– Не думаю. – Я набиваю рот последней картошкой. – Эсме заказывала на свое имя, а на Шрамолице Салерно мы наткнулись случайно.

– Тогда, кто бы мог подумать, я согласна с Эсме. Странно, что он был так груб при том, что ты явно для него что-то значишь. Иначе он бы не хранил твой рисунок.

– И не похоже, что ты была плохой любовницей, – рассуждает Эсме, и я мысленно прихожу в ужас. – Детка, прекрати психовать. – Она пожимает мою руку. – Ни один парень не будет трахать девушку всю ночь, если в самом деле не увлечен. Он ведь кончал?

Я киваю.

– Много раз. На мне и в меня.

– Так что дело не в этом, – Эсме постукивает себя пальцем по подбородку.

– В любом случае это неважно. – Я ставлю пустую тарелку на стол. – Я больше не хочу думать о Бене. Для меня он теперь мертв. – Я открываю бутылку воды и делаю несколько глотков. – Он хочет, чтобы я вообще забыла о прошлой ночи, и я не прочь это сделать.

– Парень, которого он прислал, сказал то же самое, – говорит Пен, и я чуть не выплевываю воду на пол.

– Какой парень?

Пен оглядывается. Убедившись, что нас никто не подслушивает, понижает голос:

– Этот мудака Рензо привел меня сюда, забрал мой мобильник и отключил телефон в номере, чтобы я не могла никому позвонить. Я была вне себя, на грани нервного срыва, когда появился друг Бена Лео.

Ее щеки вспыхивают, и я выгибаю бровь.

– Ты мне этого не рассказывала, – с любопытством произносит Эсме. – Колись.

Пен поджимает губы, но не может сдержать усмешки.

– Он такой красавчик, накачанный, немного пугающий, но суперсекси.

– Бедный Эрик, – Эсме облизывает йогурт с ложки.

Пен пихает ее локтем под ребра.

– Ничего он не бедный. Я все равно люблю своего жениха, но если вижу симпатичного парня, то могу это признать.

– Чего он хотел? – спрашиваю я, стремясь добраться до сути.

– Он избавил меня от Рензо. Сказал, чтобы я не волновалась. Что ты в безопасности, с Беном, и он о тебе позаботится. Он остался со мной, но исчезал на несколько минут, когда остальные вернулись в стельку пьяные.

– Моя головная боль это доказывает. – Эсме бросает в мусор пустую упаковку от йогурта.

– Я уложила всех в кровати, – продолжает Пен, игнорируя Эсме, – а когда вернулась, Лео приготовил кофе.

– Как мило, – Эсме хмурит брови, а Пен показывает ей неприличный жест.

– Он выражался довольно туманно, но все же смог объяснить. По сути он сказал то же, что и Бен, только не так грубо. Что те люди в подвале опасны, и нам нужно молчать насчет прошлой ночи. Вот почему я рассказываю Эсме только сейчас. Все остальные считают, что ты познакомилась с каким-то парнем и уехала в его отель.

– Спасибо, Пен. Думаю, мы согласны с тем, что нужно держать все в секрете.

– Ты только зря тратишь воздух, – говорит она и бледнеет.

Я беру ее за руки.

– Я знаю, что ты вчера перепугалась. Ты уверена, что в порядке?

Ее глаза наполняются слезами.

– Я никогда не была так напугана. Я была уверена, что они изнасилуют нас обоих, а потом пережуют глотки. – Она отворачивается, и по ее щеке стекает слезинка. – Сьерра, мне так жаль, что я бросила тебя там. Я дрянная подруга.

– Прекрати. – Я пальцем поднимаю ее подбородок. – Это не так, и ты ни в чем не виновата. Решение принимала я, и ты не должна чувствовать себя виноватой. Если бы ты боролась, тебя могли пристрелить.

– Лео тоже так сказал, – шепчет она. – Он сказал, что я была наживкой. Что у Шрамолицего такие методы. Он изначально собирался использовать меня, чтобы заставить тебя остаться.

Вчера мне это не приходило в голову. Я так паниковала. Но в этом есть смысл. Он с такой готовностью согласился с моим планом и без возражений отпустил Пен.

– Самое главное, что мы все в безопасности и невредимы, – говорит Эсме.

– Если не считать моей уязвленной гордости, – пожимаю я плечами, стараясь прогнать уныние.

– Взгляни на это так, – Эсме, сидя на диване, подтягивает колени к груди. – Тебе довелось переспать с объектом твоего детского обожания, и он оказался чертовски хорош в постели. Он дал тебе множество оргазмов, забрал твою анальную девственность, и ты не скоро забудешь свой двадцать первый день рождения.

– Ради бога, Эсме. Ты дура? – огрызается Пен, сердито уставившись на нашу лучшую подругу. – Опомнись и перестань нести чушь. И прекрати действовать не подумав. Это не шутки. Ты не была в том подвале. Сьерре повезло, что там оказался Бен. Я содрогаюсь при мысли о том, в каком состоянии она была бы сейчас, если бы он не смог помешать.

Эсме сразу принимает пристыженный вид и тихо говорит:

– Пен, думаешь, я этого не знаю? – Ее глаза тоже наполняются слезами. – Ты ошибаешься, если думаешь, что я не терзаю себя за это.

– Все хорошо, – говорю я и беру подруг за руки.

Я знаю, что Эсме не такая легкомысленная, какой хочет казаться. Она изо всех сил старается переварить случившееся, а юмор и пренебрежительность помогают ей не смотреть в лицо суровым фактам. Я знаю, что она по-своему раскаивается и старается загладить вину передо мной.

– Мы не будем искать виноватых, – продолжаю я. – Да, мы извлекли уроки из прошлой ночи, но я предпочитаю сосредоточиться на хорошем и не заикливаться на том, что могло бы быть. И того же прошу от вас обеих.

Они кивают, и я откидываюсь на спинку дивана.

– В одном я уверена, – заключаю я, иронично улыбаясь. – Эти выходные я точно никогда не забуду.

Глава 10

Сьерра

Через несколько недель после возвращения из Вегаса жизнь возвращается в прежнее русло, но я никак не могу выбросить из головы события моего дня рождения. Я бы солгала, если бы сказала, что не думаю о Бене. Первые пару недель прошли как в тумане – я наконец в полной мере осознала, в какой была опасности, и пребывала в состоянии запоздалого ужаса. Каждый вечер я выпускала эмоции в своей студии, рисуя, пока душа не очищалась и я не обретала снова дзеновское спокойствие. Когда я прошла этот этап, все мои мысли занял Бен.

Грубое расставание все еще причиняло боль, но мой гнев в основном испарился. Мне едва удалось сбежать, и Бен спас меня от участи, которая либо убила бы меня, либо травмировала на всю оставшуюся жизнь. Теперь в моих эмоциях преобладают облегчение и благодарность, и я не нахожу в своем сердце ненависти к Бену. Может, я наивна, но я хочу помнить о нем хорошее, а в те выходные он доказал, что в нем все еще есть немало хорошего.

Рождество – этот неизменный старый парад нудных вечеринок и семейных мероприятий, когда нужно напряженно соблюдать приличия, вести светские беседы с распутными занудами и их «степфордскими женами» – почти убивает меня. В эти праздники я не сошла с ума только благодаря паре студенческих вечеринок, на которые удалось выбраться. Пен и Эсме замечают мою рассеянность, но я отметаю их тревогу, списывая свое странное настроение на необходимость играть роль послушной дочери Лоусона.

Начинается весенний семестр, я хожу на занятия и с головой погружаюсь в учебу, продолжая отрицать правду. Пока отрицать и дальше становится невозможно, и тогда я наконец решаю вести себя как взрослая и покупаю тест на беременность.

Я оседаю на плиточный пол своей личной ванной, отказываясь принимать слово на цифровой тест-полоске.

БЕРЕМЕННА

Я ожидала такой результат, но он все равно сбил меня с ног. Буквально. Мои циклы всегда были нерегулярны, поэтому я не обеспокоилась, когда пропустила ноябрьский. Не дождавшись и в декабре, я поняла. В глубине души знала. Но я не могла этого признавать, потому уповала на чудо еще один месяц, пока сегодня утром не проснулась с ноющими грудями, которые определено увеличились. Это была пощечина, заставившая больше не зарывать голову в песок.

По моему лицу катится пара безмолвных, но вовсе не безрадостных слезинок. Я подношу руку к животу и прижимаю ладонь, улыбаясь при мысли, что внутри меня растет маленькая жизнь.

Я напугана до чертиков.

В ужасе до тошноты, но, возможно, это из-за гормонов.

И тем не менее я довольна. Я отказывалась принимать реальность только из страха.

Страха рассказать Бену.

Или столкнуться с возмущением семьи, поскольку такие новости не из тех, что принимают благосклонно.

Из страха неизвестности – я понятия не имею, как ухаживать за малышами, и боюсь, что у меня получится не слишком хорошо, особенно если я буду одна.

Но я научусь.

И мне повезло больше, чем большинству женщин, оказавшихся в таком положении. Так что пора очнуться и признать ситуацию.

Я могу.

Знаю, что могу.

Я больше не буду прятаться от правды. На меня рассчитывает новая жизнь, и я ее не подведу. Смахнув слезы рукавом, я встаю и решительно смотрю на свое отражение в зеркале. Щеки горят, глаза расширены и блестят – я выгляжу другой, но одновременно такой же, как раньше. Это трудно выразить. Не считая нарушения цикла и утомляемости я не испытываю никаких неприятных эффектов беременности. В основном я чувствую себя хорошо. Я не удивлена, что организм в согласии со мной, поскольку я всегда хотела стать матерью. В моих мечтах о будущем всегда были дети.

Но планировала ли я стать юной матерью-одиночкой? Нет. И хотя я боюсь того, что может принести будущее, я в восторге. Не знаю почему я так долго отвергала правду, ведь теперь, когда я повернулась лицом к моей новой реальности, в глубине души я довольна.

Было эгоистично не сделать тест несколько недель назад, когда появились первые подозрения. Теперь нужно думать не только о себе. Я вынашиваю маленькую жизнь, и мне нужно заботиться о ней или о нем. Я обещаю себе как можно скорее записаться на прием к врачу и делаю мысленную заметку загрузить в электронную книгу пару книг о беременности.

– Ты и я, малыш, – шепчу я, поглаживая живот. – Пусть я не знаю даже самых основ как быть мамой, обещаю, я научусь, и я буду стараться.

Вытерев все следы слез, я беру сумку, куртку, ключи от машины и останавливаюсь возле лоджии, где читает мама, сообщить ей, что ухожу. Тони следует за мной от входной двери, и я вручаю ему ключи от моего черного «лексуса». Я рада в кои-то веки позволить ему сесть за руль. Он смотрит на меня так, будто у меня выросла вторая голова, и я смеюсь. Я понимаю. Я терпеть не могу, когда кто-то что-то делает за меня, и обычно настаиваю, что буду вести машину сама. Но у меня все еще немного кружится голова, и мне нужно время, чтобы разобраться в собственных мыслях.

В машине я пишу сообщение Пен, молясь, чтобы она оказалась дома. а Эсме – с Микелем, ее последним партнером по сексу. Я не собираюсь утаивать от нее секрет. Просто мне сейчас нужно посоветоваться с более прямолинейной и уравновешенной из подруг.

Эсме взорвется, когда узнает о моей беременности. Она видит, как трудно ее сестре быть матерью-одиночкой. Она не воспримет новость спокойно и не замедлит высказать свое мнение.

А я к этому пока не готова.

Пен сразу отвечает, что она дома одна. Я откидываюсь назад на сидении и, пока мы едем к городу, обдумываю свои варианты.

– Привет.

Пен встречает меня у двери объятиями, в которые я с готовностью падаю.

– Входи.

Она отходит в сторону, чтобы впустить меня в квартиру с тремя спальнями, которую делит с Эсме и еще одной университетской подругой. Тони тем временем занимает пост в коридоре. Пен вытаскивает для него стул и приносит бутылку воды. Он признательно кивает и садится.

Пен закрывает за нами дверь, а я стягиваю куртку и бросаю ее на подлокотник дивана. Я с завистью осматриваю уютную гостиную открытой планировки. Мне хотелось бы жить с подругами, но отец уперся, а мама его поддержала. Она боролась изо всех сил, чтобы он позволил мне ходить в университет Лойолы, а в качестве компромисса обучала меня изящным искусствам. Таким образом, мне пришлось пожертвовать независимой студенческой жизнью в пользу самостоятельного выбора карьеры. После этого семестра мне останется учиться еще один год, потом я получу диплом по биомедицине и буду еще два года специализироваться в иглотерапии и гомеопатии.

– Прекрасно выглядишь, – Пен рассматривает меня, склонив голову набок. – Ты что-то сделала с волосами или нашла какое-то новое чудо-средство для кожи, потому что ты светишься, подруга!

– Возможно, это из-за беременности, – невозмутимо отвечаю я и плюхаюсь на диван.

Пен отшатывается назад и хватается за буфет, чтобы не упасть. Она разевает рот, а ее глаза едва не выскакивают из орбит.

– Наверное, мне не стоило это так выпаливать, – признаю я, пожимая плечами. – Но нет простого способа сказать, что я залетела.

– О боже мой! – Взяв себя в руки, Пен подскакивает ко мне. – Глупый вопрос, но ты уверена?

– Ага. Я сделала тест, но я и так уже несколько недель знала. Просто до сих пор трусила это признать.

– Ого. – Она опускается на мягкий диван рядом со мной. – И что ты будешь делать?

– Не знаю... кроме того, что сохраню ребенка.

На мои губы набегают невольная улыбка, а руки машинально поднимаются к животу.

– Это я уже знаю, – Она поворачивается ко мне лицом. – Ты рождена быть матерью, Сьерра. Ты сильная, терпеливая, и в тебе есть легендарная энергия дзена.

– Я боюсь, – признаюсь я. – Когда я представляла себя мамой, на этой картине всегда был папа, муж, и я была старше.

– Возраст на материнские качества не влияет, и кто говорит, что не будет папы? Мужа? Выгнув бровь, она крутит маленькое помолвочное кольцо на своем пальце.

Пен знает, кто отец, потому что после Вегаса я даже ни с кем не целовалась. Не от недостатка внимания. На студенческих вечеринках во время рождественских каникул несколько парней были не прочь затащить меня в постель, но я уже подозревала о беременности и не имела ни малейшего интереса еще больше усложнять ситуацию.

– Я больше не влюбленный ребенок и не буду тешить себя иллюзиями. Может, Бен будет не против взвалить на себя обязанности родителя, но стать моим мужем он ни за что не захочет.

– Ты не узнаешь, пока не поговоришь с ним, – Пен на миг поджимает губы. – Ты же собираешься ему рассказать?

Я киваю.

– Он имеет право знать, и я ради моего ребенка обязана ему рассказать. А как он отреагирует и как поступит – это его дело. – Я снимаю туфли и, прислонившись к подлокотнику дивана, подтягиваю колени к груди. – Но я боюсь, что если впутая Бена, то открою себя и ребенка миру, о котором ничего не знаю. Ты же видела тех людей, что были с ним.

– Я знаю, и ты совершенно правильно беспокоишься.

На несколько минут в комнате повисает молчание.

– Думаешь, мне стоит отказаться от этой идеи и все делать самой?

Она проводит зубами по нижней губе.

– Не завидую тебе, Сьерра, но я не могу говорить тебе что делать. Ты должна принимать решение сама. – Она берет мои холодные и влажные руки в свои теплые. – Просто знай: что бы ты ни решила, я тебя поддержу и буду помогать, чем смогу.

Мои глаза щиплют слезы.

– Спасибо, Пен. Мне нужно было это услышать.

Я шмыгаю носом и вытираю пару шальных слезинок. Гормоны при беременности – это не шутка. Они словно бы напрямую связаны со слезным железом.

– Я думала об этом по дороге сюда. Мне кажется, я должна ему рассказать. Рано или поздно мой малыш спросит о папе. Как я могу прятать его или ее от Бена из-за своих подозрений? Может, я ошибаюсь. Одно то, что Шрамолицый Салерно точно из мафии, не означает, что и Бен – тоже.

Я знаю, что цепляюсь за соломинку, но стараюсь убедить себя, что поступаю правильно.

– Ты знаешь, как с ним связаться?

Я качаю головой.

– Мы можем поискать в гугле, – она хватает с тумбочки айпад. – Если он связан с мафией, в интернете обязательно должно быть что-то о нем.

– У меня много раз возникало искушение погуглить, – призналась я. – Но я удерживалась, потому что он велел забыть о нем, и я боялась, что найду что-то, что мне не понравится.

Из мафии он или просто имеет связи в мафии, но Бен опасный человек. Я видела достаточно, чтобы это знать, и я надеюсь, что поступаю правильно. Потому что самое главное – это защитить моего малыша, а если ради этого нужно скрыть его существование от папы, я сделаю это без колебаний.

Глава 11

Сьерра

Я придвигаюсь к Пен, а она гуглит его имя и просматривает одну страницу за другой.

– Похоже, он известная личность, – бормочет Пен.

В ее тоне звучат резкие нотки, а на лице появляется отвращение, когда она прокручивает его фотографии с разными женщинами. Это фото с престижных мероприятий и помпезных балов, а все женщины великолепны. Неудивительно, что он так быстро прогнал меня, если обычно встречается с женщинами такого типа. Модели, дочери политиков, светские львицы и успешные бизнеследи. Блондинки, брюнетки, рыжие. Похоже, он не склонен к дискриминации, если они красавицы.

Игнорируя неприятное ощущение, я подталкиваю Пен листать дальше и показываю на статью о «Калтимор Холдингс» в известном деловом журнале. Я читаю вслух.

– «Беннет Маццоне, сын Анджело Маццоне и покойной Джиллиан Карвер, недавно назначенный генеральным директором «Калтимор Холдингс», наделал много шума в Нью-Йорке. «Калтимор Холдингс» – бизнес-империя, основанная его прадедом в двадцатые годы прошлого века. Первоначально сосредоточенная на строительстве, судоходстве и грузоперевозках, под управлением Анджело Маццоне компания отважилась заняться розничной торговлей и сферой услуг, став полным или частичным владельцем множества ресторанов, клубов и казино. Неожиданным и смелым первым шагом Беннета Маццоне на посту генерального директора стало враждебное поглощение ИТ-компании «Фэст-Майн». Означает ли это, что «Калтимор» отойдет от своего традиционного бизнеса, или Маццоне пополняет свою миллиардную империю разумными инвестициями в высокотехнологичные отрасли с огромным потенциалом роста? Только время покажет. Ключевые сотрудники «Калтимора» сообщили нам, что у Маццоне амбициозные планы по перестройке всех аспектов деятельности компании и серьезные идеи по модернизации бренда. Как бы сильно его ни боялись, как бы им ни восхищались, ясно, что Беннет Маццоне – это сила, с которой нужно считаться, и человек, за которым нужно следить».

– Что? – Пен потирает переносицу. – Похоже, он законопослушный бизнесмен.

– И в двадцать девять уже гендиректор. – Не могу не признать, что я впечатлена. – И все же нельзя верить всему, что читаешь в интернете.

Мы еще полчаса бродим по сети, но не находим никаких указаний на связь Бена с мафией. И никаких указаний на то, как он нашел своего отца или почему просто исчез из Иллинойса восемь лет назад. На сайте «Калтимор Холдингс» приведена ничем не примечательная биография, в которой говорится много, но вместе с тем ничего.

Пен распечатывает адрес главного офиса «Калтимор Холдингс» в Среднем Манхеттене.

– Поскольку мы не можем найти его личный адрес, тебе придется поехать к нему на работу и надеяться, что ты сможешь с ним встретиться.

– Если нужно, я буду крутиться снаружи, пока он не появится.

– Держу пари, в отделе информационных технологий «Лоусон Фарма» найдется человек, который сможет тебе помочь, – говорит она.

У меня вырывается смешок.

– Ты что, серьезно предлагаешь рассказать отцу раньше, чем Бену?

– Скорее, просто думаю вслух. – Пен поднимает ноги на диван. – Когда ты собираешься рассказать семье?

– Никогда? – шучу я. – Если бы я думала, что меня оставят в покое, сбежала бы за океан. Сделать фальшивое удостоверение личности и скрыться.

Пен бросает на меня сочувственный взгляд.

– Они нормально отнесутся.

– Ты вообще знакома с моим отцом? – Голос выдает мое недоверие. – Ему это не придется по душе. Никогда.

Может, я не знаю, как отреагирует на новости Бен, но точно знаю, что отцу они не понравятся.

– Я – ошибка, которую они никогда не хотели. В представлении отца его ошибка просто породит другую ошибку. Ты же знаешь, какой он зануда. Родить внебрачного ребенка – значит, совершить смертный грех по отношению к нему. Так я просто в очередной раз выставлю его перед всем миром в дурном свете.

– Твой отец – осел.

– Ага. И он никогда не изменится. Может, откажется от меня. Бог свидетель, он как минимум раз в месяц грозит выгнать меня.

– О боже. – Пен выпрямляется на диване и таращит глаза. По ее губам скользит коварная улыбка. – У Саскии будет эпический припадок, когда она узнает, что ты переспала с Беном и беременна от него.

Я вздыхаю.

– Знаю. И это очень болезненная тема, поскольку у нее до сих пор нет детей.

Хотя я сильно недолюбливаю сестру и мы никогда не были близки, я никогда не хотела умышленно причинить ей боль. А эта новость ее уязвит. Она замужем за Феликсом больше семи лет и, если верить маме, последние четыре года они безуспешно пытаются завести ребенка.

– С Саскии станется обвинить меня, что я сделала это только затем, чтобы ей насолить.

– В точку. Она всегда с тобой соперничала. Думаю, это зависть.

Я выдавливаю смех.

– Ты шутишь? С чего бы ей завидовать мне? У нее диплом бизнес-школы Чикагского университета, богатый и красивый муж, чудесный дом и перспективная карьера в «Лоусон Фарма». Для отца она как зеница ока. Он считает, что она не может совершать никаких ошибок.

– Она чертова стерва, – возмущается Пен.

– Высшего разряда, – соглашаюсь я. – Бессовестность и лизание задницы отец принимает за честность и искренность.

Я смотрю на часы – уже поздно. Опускаю ноги на пол.

– Саския – последнее, что меня сейчас волнует. – Буду решать свои проблемы по очереди. – Мне нужно заказать билет на самолет в Нью-Йорк и сообщить предмету моего подросткового обожания, что я в интересном положении.

– Ты... что? – Тони смотрит на меня так, будто я какаю радугой.

– Беременна. У меня будет ребенок.

Он отчаянно моргает, и его лицо заливают ужас. Знаю, он удивляется, почему я говорю ему это.

– Тот парень в Вегасе? – предполагает он.

Я киваю.

– Прости, Тони.

Мы оба знаем, что это означает для его работы.

- Не извиняйся, – он проводит рукой по волосам. – Вот дерьмо.
- У него дергается кадык, и он ставит локти на пластиковую столешницу.
- Горячий чай и капучино, – говорит официантка, ставя чашки на стол.
- Спасибо, – сдержанно улыбаюсь я.
- Дайте мне знать, если еще что-нибудь понадобится.

Официантка отходит прочь, покачивая бедрами.

Мы сидим в черной кабинке моего любимого меленького кафе в нескольких кварталах от Лойолы. В этот вечерний час здесь тихо, как я и ожидала.

- Давно ты знаешь? – спрашивает Тони, когда я подвигаю к нему кофе.

- Несколько недель подозревала, но тест сделала только сегодня.

Я дую на свою чашку.

- Он будет с тобой? – Тони отпивает глоток.

– Не знаю. Мне нужно поехать в Нью-Йорк, чтобы ему сказать. – Я обхватываю чашку ладонями, грея руки. – И вот тут нужен ты. Я надеюсь, что ты поедешь со мной и мы сможем сохранить все в тайне от моего отца.

Он открывает было рот, но я поднимаю руку.

- Пожалуйста, дослушай меня.

Он смыкает губы и кивает.

– Ты знаешь, что как только отец услышит, что я залетела, он скорее всего прибудет нас обоих. Так что у меня есть план. – Я отпиваю чай, наблюдая за тем, как в глазах Тони появляется настороженность. – Эй, надо отдать мне должное. Я могла сбежать и отправиться в Большое яблоко одна, но я же обещала, что больше не буду, и я держу свое слово.

Я наклоняюсь над столом и оглядываю кафе, чтобы убедиться: на нас никто не обращает внимания. Я понижаю голос:

– Вот что я предлагаю. Ты поможешь скрыть эту поездку ото всех. Поедешь со мной и заметишь наши следы. Потом я вернусь в Иллинойс одна. Тебе придется остаться в Нью-Йорке и держаться подальше от Чикаго. Я дам тебе денег, чтобы ты продержался, пока не найдешь другую работу.

Минуту он потрясенно смотрит на меня.

- Зачем тебе делать это для меня?

– Потому что ты ко мне хорошо относишься и не заслуживаешь страдать от последствий моих неправильных решений. Отец тебя не просто сожжет. Он внесет твое имя в черный список, чтобы ты не смог устроиться на работу в Чикаго. Так что нет смысла возвращаться. Позволь тебе помочь. У меня более чем достаточно денег, чтобы обеспечить тебя.

Мамины родители были миллиардерами. «Лоусон Фарма» была их компанией, пока они не погибли в автомобильной аварии через пару лет после того, как мама вышла за папу, и тогда папа стал гендиректором. Мне с сестрами досталось приличное наследство, потому что мама была единственным ребенком и моим дедушке с бабушкой больше некому было оставить свое состояние. Они основали групповой трастовый фонд и оставили указания разделить его поровну между внуками. Я узнала об этом только в шестнадцать лет, а в двадцать один получила доступ к деньгам.

Помимо этого, родители каждый месяц дают мне на карманные расходы, так что денег у меня столько, что я не знаю, что с ним делать.

Я знаю, что мне повезло. Если я останусь с ребенком одна, то по крайней мере не буду волноваться о финансах.

– Солнышко, – он похлопывает меня по руке. – Я тронут тем, что ты готова сделать для меня. Но я не буду убегать от своих обязанностей. Я встречу с твоим отцом лицом к лицу, как мужчина, и приму последствия своих действий.

Я открываю рот, чтобы возразить, но он качает головой.

– Ты меня не переубедишь, Сьерра. Но я тебе помогу. Мне нечего терять. Я на твоей стороне. Я займусь всеми приготовлениями и сопровожу тебя в Нью-Йорк и обратно. Твоя безопасность останется моим приоритетом, пока твой отец не сложит с меня эту ответственность.

– Спасибо. – Я пожимаю руку Тони. Я буду по нему скучать. – Мне хотелось бы уехать в пятницу утром и вернуться в субботу днем.

Я скажу маме, что после занятий уйду к Эсме и Пен и останусь у них ночевать. Она не усомнится, это обычное дело.

– Как пожелаешь, – кивает Тони.

Теперь пути назад нет. Я понятия не имею, как пройдет разговор с Беном. Знаю только, что моя жизнь изменится в любом случае.

Глава 12

Сьерра

– Это здесь, – говорю я Тони, показывая на впечатляющий стеклянный небоскреб на углу Пятьдесят седьмой улицы между Пятой и Шестой авеню.

– Угораздило же тебя залететь от сотрудника «Калтимор Холдингс», – бормочет он себе под нос.

Чуть раньше, когда я дала ему адрес, чтобы ввести его в GPS, на его лице появилось странное выражение.

– А что? Ты что-то знаешь об этой компании?

Я не стала исправлять его ошибку. В свое время он сам поймет, что это гендиректор, а не сотрудник.

– Она чертовски подозрительна, – загадочно отвечает он.

Тони явно что-то знает, но сейчас у меня нет времени выуживать из него информацию.

– Пока ты паркуешься, я попробую договориться о встрече.

Прежде чем он начинает возражать, я открываю дверь и выхожу на тротуар.

– Никуда не ходи. – Он тычет в меня пальцем. – Стой здесь, пока я не вернусь.

– Я подожду в приемной, пока ты паркуешься. Обещаю.

Вряд ли мне грозит опасность в таком публичном месте. Я закрываю дверь арендованного автомобиля, и Тони вливается в поток машин.

Направляясь к вращающимся входным дверям, я думаю о том, что здание, наверное, было обновлено в последние годы. Оно выглядит очень современно с окнами от пола до потолка, и возносится в небо так высоко, что я не вижу верхних этажей. Готова поспорить, оттуда открывается потрясающий вид на город и Центральный парк. А еще готова поспорить, что офис Бена именно там.

До двери остается несколько футов, когда из бокового входа появляется группа из трех мужчин и одной женщины. Я сразу замечая Бена с телефоном у уха. Он идет между двумя здоровяками. Все трое в черных костюмах и с мрачными лицами. Женщина что-то оживленно говорит Бену и показывает на бумаги, которые держит в руках. В узкой юбке и на высоких каблуках она спешит, стараясь не отставать от широкого шага мужчин.

Черт. Я слишком далеко, чтобы он меня заметил, и я не хочу окликать его и устраивать сцену. Я надеялась на личную встречу, чтобы рассказать новости наедине.

Я так и не решила что делать, когда на обочине останавливается большой черный внедорожник. Я разворачиваюсь, и ноги сами стремительно несут меня к ряду такси со включенными двигателями. Я не могу упустить Бена. Пятница, третий час дня. Он может не вернуться в офис, и я не знаю, работает ли он в выходные. Возможно, это единственный шанс поговорить с ним.

Глядя, как Бен садится в машину с тонированными стеклами, я звоню Тони. Тони отвечает в тот момент, когда я добегаю до ближайшего такси.

– Секунду, – рывкаю я в телефон, прижимаю его к груди и, запрыгнув на заднее сидение, велю водителю следовать за внедорожником. – Прости. Планы изменились.

Отодвигаю телефон от уха, пока Тони ругается.

– Он уезжает, и я должна ехать за ним. Отслеживай мои передвижения по моему телефону. Когда доберемся до места назначения, я тебя подожду.

Я отключаю вызов, пока он не начал ругать меня за опрометчивость. Мне пришлось принимать мгновенное решение, и я не жалею. Если бы я дожидалась Тони, мы бы упустили Бена.

Я не хочу возвращаться в Нью-Йорк. Я почти неделю настраивалась на встречу и хочу просто покончить с этим сейчас.

Если водителю кажется странной просьба ехать за другой машиной, он держит свое мнение при себе.

Дорожное движение кошмарное. За сорок минут мы проезжаем меньше тридцати миль. Наконец машина Бена сворачивает с оживленной дороги, следует по нескольким переулкам и въезжает на парковку перед двухэтажным зданием в Куинсе.

Дом стоит на собственной территории, отдельно от расположенных здесь баров, клубов и магазинов. С одной стороны тут запущенный парк, а через пару улиц, если верить картам гугла, течет Гудзон. Попросив водителя остановиться на углу, я наблюдаю, как внедорожник Бена паркуется прямо перед зданием, и звоню Тони:

– Ты где?

– Отстаю от тебя минут на десять.

– Хорошо. Поторопись.

Я отключаю вызов и жую изнутри щеку. Тем временем водитель Бена открывает ему дверь, и он выходит. Плащ и пиджак Бен оставил в машине, и теперь на нем белоснежная рубашка, дорогие черные брюки и такие же туфли. Я могу видеть его только со спины, но фигура у него такая же впечатляющая, как я помню.

В моей памяти вспыхивают яркие образы.

Я вижу, как большие теплые руки гладят все мое тело вдоль и поперек. Чувствую, как его умелые пальцы и язык разжигают во мне неистовое желание. Трепещу при воспоминании о том, как его огромный член бился внутри меня, когда мы создавали новую жизнь. Мою грудь и шею заливают жаром, и я стряхиваю с себя ностальгические мысли. Сейчас для них не время и не место.

Двое мужчин в костюмах с теми же зверскими лицами сопровождают Бена в здание, а я тем временем прикидываю варианты. Знаю, нужно подождать Тони. Он будет всего через десять минут, но чутье подсказывает идти за Беном сейчас.

– Пожалуйста, подождите здесь, – говорю я водителю, протягивая пятьдесят баксов. – Когда вернусь, дам еще столько же и хорошие чаевые.

Я не хочу идти в этот дом, не имея пути к отступлению на случай, если Тони задержится или мне понадобится быстро убираться.

– Леди, вы уверены, что хотите туда зайти? – Водитель оглядывается на меня через плечо.

– Сюда едет мой друг. Он скоро будет.

Я вылезаю из машины, пока не передумала, и крепко завязываю на талии пояс шерстяного розового пальто длиной чуть ниже колен. Хорошо, что я тепло оделась, потому что в Нью-Йорке сегодня холодно. Ну хоть нет дождя или снега – я благодарна за эту маленькую милость погоды. На мне черные колготки и туфли на шпильках. Вцепившись в ремень сумочки от Майкла Корса, я быстро перехожу дорогу, направляясь к зданию, в которое вошел Бен.

Здание явно нуждается в уходе, как и вся территория. Окна закрыты серыми ставнями, на вывеске облупилась краска. Из трещин в асфальте пробиваются сорняки. Я шагаю через парковку. Рядом с внедорожником Бена стоят еще четыре машины, но это место кажется совершенно заброшенным.

От тревоги по коже бегут мурашки. Я подхожу к грязной двери. Что это за место и что здесь делает Бен? Облизнув пересохшие губы и перекинув за спину длинные светлые волосы, я для храбрости набираю воздуха и открываю дверь.

Внутри меня встречает музыка – негромкая, всего лишь фон в мрачной, тускло освещенной комнате. Это бар или какой-то клуб – череда кабинок и открытых сидений, окружающих приподнятую середину помещения, напоминающую подиум с шестами для стриптиза.

Стильно? Нет.

Словно осколок восьмидесятых: кирпичные стены, унылый декор, мебель из темного дерева – прям как из сериала «Чирс». Я осматриваю помещение и замечаю затылок Бена, который выходит в заднюю дверь в дальнем конце зала. Перед дверью становится на страже бритоголовый хмурый здоровяк, поэтому я плетусь к бару и подтаскиваю табурет, чтобы подождать Тони.

За стойкой работает единственный бармен. Когда я сажусь, он поднимет голову и несколько секунд пялится на меня. Я знаю, что в подобном заведении выгляжу неуместно. Я думала, что встречу с Беном в роскошном офисе в Центральном деловом районе, и оделась соответственно: облегающее черное платье до колен, черные колготки и высоченные черные лабутены. А если добавить дорогое розовое пальто и узорчатый шелковый шарф, то я выгляжу здесь как белая ворона.

– Чем могу быть полезен, мисс? – спрашивает бармен, скрывая удивление.

– Две газированные воды. «Пеллегрино», если у вас есть.

Он смотрит на меня так, будто я говорю на иностранном языке.

– Две бутылки воды. Любой, какую дадите, – перефразирую я. – Мой коллега скоро подойдет.

Ни слова не говоря, он достает из холодильника две бутылки и ставит передо мной. Я бросаю на стойку двадцатку.

– Сдачу оставьте себе.

Он наклоняет голову и считает деньги, но в остальном меня игнорирует.

Чувствуя на себе взгляд, я поворачиваюсь направо и замечаю двух стариков, которые сидят за стойкой и рассматривают меня с откровенным любопытством. Кроме них и двух человек персонала поблизости никого нет. Я смотрю на часы. Куда запропастился Тони? Тут открывается задняя дверь, и в нее просовывается голова одного из спутников Бена. Он что-то говорит охраннику. Тот кивает, пересекает комнату и выходит в другую дверь, а парень исчезает там же, откуда высунулся.

Бармен присел на корточки в задней части бара, расставляя на полках бутылки, поэтому единственные свидетели – два старикана на другом конце бара. Я осторожно соскальзываю с табурета и иду к ним по грязному истрепанному коврику. Сую каждому по купюре в сотню долларов, похлопываю себя по носу и говорю негромко:

– Вы ничего не видели.

Я стараюсь игнорировать трепет в груди и то, как у меня от напряжения вздыбились волоски на загривке. Определенно, я сейчас бросаю вызов Эсме, а Тони меня повесит, но я не упущу своей возможности.

Приглядывая одним глазом за баром, я быстро иду к задней двери и проскальзываю внутрь. Здесь я с удивлением обнаруживаю ступеньки на нижний уровень. В голову ударяет кровь и начинается головокружение. Я хватаюсь за стену, пока оно не проходит. Сердце бешено колотится о ребра. Я снимаю туфли и, держа их в одной руке, медленно спускаюсь. У меня подкашиваются ноги, а когда раздается гортанный крик, я останавливаюсь посреди лестницы. Кровь стучит в висках, к горлу подкатывает желчь.

В кармане звенит телефон, и я чуть не умираю, пытаюсь отключить звук, пока никто не услышал. Но вряд ли кто-то слышит в том неумолчном реве, который доносится снизу.

Я застываю.

Прирастаю к месту.

Внутренний голос кричит убираться отсюда к чертовой матери, пока я не превратилась в бестолковую героиню из фильма ужасов. Знаете, из тех, которые суют куда-нибудь нос из чистого любопытства и в итоге обычно расплачиваются за это жизнью.

С другой стороны, мне хочется знать, что происходит, и это желание пересиливает весь здравый смысл, логику и инстинкт самосохранения. Чутье толкает вперед. Говорит, что все будет хорошо.

Если из подвального этажа нет другого выхода, то Бен там. Он не позволит, чтобы со мной случилось что-нибудь плохое. Как бы он ни был опасен, он защитил меня тогда, и я знаю, что здесь я тоже я буду с ним в безопасности.

Глава 13

Сьерра

Отбросив страх, я заставляю себя двигаться и иду дальше. Сойдя с лестницы, поворачиваю налево, потому что это единственный вариант. Одной рукой крепко прижимая к груди сумочку, а в другой держа туфли, я распластываюсь по ближайшей стене и крадусь по длинному коридору. Слева расположен ряд дверей, почти все закрытые, лишь две средние слегка приоткрыты.

Освещение слабое, только одна мигающая лампочка, свисающая с потрескавшегося потолка. Углы затянуты паутиной, и я вздрагиваю от порыва холодного воздуха. Бетонный пол под ногами как лед, колготки мало от него защищают.

В лицо бьет отвратительная вонь, и у меня дергаются ноздри. Пот, застарелая моча, рвота и другие неразличимые запахи. Я сжимаю губы и морщу нос – это немножко помогает. В животе бурлит, и я молюсь о том, чтобы беременность сейчас не выкинула злую шутку с тошнотой.

Собрав волю в кулак, я медленно и осторожно иду дальше. По подвалу опять разносятся рев и крики. Я вздрагиваю и закрываю рот рукой, чтобы не вскрикнуть и не выдать себя.

Это плохая идея.

Но что-то все равно побуждает меня идти вперед, не поворачивать обратно, и я упорствую, игнорируя дикую дрожь в теле и бешеный стук сердца.

Дойдя до первой приоткрытой двери, я прижимаюсь спиной к стене и напряженно прислушиваюсь, нет ли там какого-нибудь движения. Я слышу голоса, которые становятся громче после очередного крика, но не похоже, что они доносятся из комнаты, возле которой я стою. Крики приглушенные, не такие пронзительные, как тот, что я услышала на лестнице. Откуда бы они ни доносились, вряд ли из этой комнаты.

Перекрестившись, я рискую заглянуть внутрь и с облегчением обнаруживаю, что комната пуста. Я прокрадываюсь туда и осторожно прикрываю дверь, но не плотно. Поднимаю голову, смотрю на застекленное окно перед собой и прижимаю руку ко рту, чтобы подавить рвущийся крик. Оно выходит в комнату побольше, и я жду, что кто-нибудь из пяти мужчин в ней заметит меня. Наверняка так и будет, потому что друг Бена Лео смотрит в окно, прямо на меня. Я перестаю дышать и жду, что он окликнет меня, но он отворачивается с неизменившимся выражением лица, словно не видел меня.

Должно быть, это смотровое окно, как в полицейских участках. Я прерывисто выдыхаю, довольная тем, что они меня не видят и не знают, что я здесь.

– Я могу делать это весь день, Сергей. И мы знаем достаточно; знаем, что ирландцы встречаются с боссами вашей братвы, – говорит Бен, закатывая рукава до локтей и глядя на мужчину, который сидит посреди комнаты, привязанный к стулу.

Правда, назвать это комнатой нельзя. Она больше похожа на темницу или камеру пыток. Голые кирпичные стены и бетонный пол покрыты темными пятнами, а с каких-то стальных шурупов на потолке свешиваются разные крючки и цепи. От мужчины на стуле течет струйка мочи в большой сток на полу. Отчасти это объясняет мерзкую вонь. Мужчина голый, он привязан к стулу за лодыжки и запястья серебристыми кабелями. На руках и груди у него порезы, а на бедре глубокая рана. Кровь капает с него на пол, но тем не менее он с вызовом плюет в Бена, что-то бормоча на незнакомом мне языке. Судя по его имени и тому, что Бен упомянул братву, должно быть, это русский.

Под яркими лампами дневного света все прекрасно видно, и я с оторопью наблюдаю за происходящим. Оно кажется почти нереальным. Словно я смотрю кино или шоу, а передо мной просто актеры, играющие роли. Будто это не настоящая кровь. И это не отец моего ребенка готов избить человека.

Я наблюдаю за развитием событий, и сердце застревает у меня в горле.

Бен хладнокровно достает щипцы из стального шкафа у стены. Обе полки забиты оружием и пыточными инструментами. Все заботливо вычищены. У меня на шее начинает биться жилка, когда Бен разворачивается и я впервые вижу его спереди. Его белоснежная рубашка перепачкана кровью. Мне становится дурно.

– Я больше не буду тебя спрашивать. Это твой последний шанс, Сергей. Почему вы встречаетесь с Макдермоттом? Что за дела у русских с ирландцами?

– Да пошел ты, Маццоне, и твоя покойная шлюха мать.

От зловещей улыбки Бена у меня по спине бежит холодок. Я ожидаю, что после замечания о матери Бен сорвется, потому что немного знаю эту историю. Но он являет собой воплощение хладнокровия, спокойствия и собранности, когда подносит щипцы к руке мужчины и ломает ему пальцы один за другим.

Я в панике смотрю, как человек, которого я обожала в детстве, медленно и методично отрезает пальцы Сергею. Тот скрипит зубами, из его горла вырываются булькающие звуки. Из обрубков хлещет кровь. Я снова прирастаю к месту, в ужасе глядя на то, как Бен кладет щипцы на стол и берет окровавленный нож.

– Ты знаешь, что я строю новую организацию. Меняю тактику, – говорит Бен. – Еще не поздно переметнуться. Нам бы не помешала еще парочка шпионов среди братвы.

– Да пошел ты, грязный итальянский ублюдок.

Бен пожимает плечами и машет Лео. Тот хватается Сергея за голову, заставляя открыть рот. Пленник бьется на стуле, отказываясь подчиниться по-хорошему, пока еще один мужчина не прижимает кровоточащую рану на бедре, гася его движения. Из обвисшего члена Сергея сочится моча на брюки Бена.

Бен опускает взгляд с явным раздражением.

– Ты за это заплатишь.

Его голос бесцветен, лишен малейших эмоций, в нем почти нет ничего человеческого – мрачный блеск безумной ярости в глазах и полное отсутствие порядочности.

Ясно, что Сергей не выйдет отсюда живым. Бен мог его пристрелить. На столе лежат пистолеты, но Бен предпочел пытки.

Я не понимаю, почему до сих пор здесь. Я увидела достаточно, чтобы знать: я не подпущу этого человека к моему ребенку. Но я не могу заставить себя двигаться. Застыв на месте, наблюдаю за этой сценой с каким-то нездоровым увлечением.

Бен одним быстрым движением отрезает Сергею язык и бросает через комнату. У меня к горлу подступает тошнота, и я зажимаю рукой рот, чтобы меня не стошнило. Бен набрасывается на него как настоящий монстр. Он режет кожу Сергея ножом, снова и снова, пока его грудь не превращается в кровавое месиво, а внутренние органы не вываливаются. Я изо всех сил стараюсь удержать содержимое желудка.

Мужчина вопит в агонии, когда Бен отрезает ему член, а в тот момент, когда сует его ему в рот, я, черт возьми, прихожу в себя. Я больше не могу видеть эту жестокость, нужно убраться отсюда, пока я не стала следующей на этом стуле.

Я больше не верю, что с Беном я в безопасности.

Шокированная, я как в тумане выбираюсь оттуда, но не теряю ощущения реальности. Осторожно выхожу из комнаты и на цыпочках неслышно иду по ступеням. Я сосредотачиваюсь на бешено бьющемся сердце и почти не слышу выстрела. Поднявшись по лестнице, открываю дверь в главный зал.

Здесь теперь никого нет.

Подгоняемая свежей порцией тревоги, я бегу через зал, отчаянно желая убраться подальше. Я выскакиваю на улицу, тяжело дыша, останавливаюсь на углу здания, и меня выворачивает.

Какая-то рука сзади накрывает мой рот. Я выпрямляюсь и замахиваюсь назад рукой с туфлями, чтобы поранить злоумышленника, но тут знакомый голос говорит:

– Не кричи. Это я.

Я обмякаю в руках Тони, и плотину наконец прорывает. Из меня рвутся сдавленные рыдания. Я разворачиваюсь и обвиваю Тони руками. Я так рада, что он здесь.

– Ты не пострадала?

Он крепко держит мое лицо холодными ладонями и поднимает мою голову.

– Нет, – рыдаю я.

– Нам нужно убираться отсюда, – он берет меня за руку. – Ты ничего не оставила внутри?

Я качаю головой, по-прежнему мертвой хваткой сжимая сумку и туфли.

Он тащит меня за угол здания и снова накрывает мне рот ладонью, когда я собираюсь закричать при виде пяти тел, сваленных друг на друга в желтом такси.

– Ни звука, Сьерра, – предупреждает Тони. – Если хочешь жить.

Я смотрю на него в шоке, а он перекидывает меня через плечо и бежит через заросли за домом к арендованному автомобилю на углу переулка.

Он сваливает меня на пассажирское сидение, садится за руль и резко набирает скорость.

Мы целую вечность ничего не говорим.

Не уверена, что могу формулировать связные фразы и вообще трезво мыслить.

Тони напряжен, то и дело смотрит в зеркала – нет ли погони. Время от времени он бросает на меня беглый взгляд. Вид у него обеспокоенный. Он не прекращает мониторить дорогу, пока мы не выезжаем на шоссе, ведущее к аэропорту Кеннеди.

Подтянув колени к груди, я искоса смотрю на него. Знаю ли я вообще этого человека?

– Ты убил их, – шепчу я. – Зачем?

– Я не мог оставить свидетелей. Никто не должен знать, что ты была здесь.

Я тупо смотрю на него и бормочу:

– Я не понимаю.

Дорожное движение замедляется и останавливается. Тони поворачивается ко мне, держа одну руку на руле.

– Что ты видела в том здании?

– Монстров. – Я смотрю ему прямо в глаза. – Я видела монстров.

Может, пытками занимался именно Бен, но судя по состоянию Сергея и запахам, въевшимся в стены, он пробыл там какое-то время. Бен просто закончил то, что начали другие.

– Почему ты не сказала мне, что парень, с которым ты была в Вегасе, – Беннет Маццоне?

– Как ты узнал, что это был он?

– Не знал, пока не оказался здесь. Я не мог тебя найти и заставил говорить одного из его мордоворотов. Он сказал, что Маццоне только что приехал, и я сложил два и два.

– Ты знаешь, кто он.

Тони кивает. Движение возобновляется, и машина трогается с места.

– Он из мафии, правда? Его имидж законопослушного бизнесмена – лишь видимость.

– Сьерра, он из главарей мафии.

– Откуда ты знаешь? В интернете нет даже намека на то, что он из мафии.

– Я родом из Нью-Йорка, и в этом городе мало кто не знает, что Маццоне – одна из самых могущественных мафиозных семей в Штатах.

– Почему я ничего такого не нашла в сети?

– Бен умен. У него в кармане есть ловкие айтишники, а эти люди знают, как контролировать информацию. Предсказываю, что захват «Фёст-Майн» – лишь первый из многих. Бен меняет ход действий.

– Я только что видела, как он пытал человека. И я бы сказала, что он меняет все.

Я говорю, но слова словно бы произносит кто-то другой. Я сглатываю подкативший к горлу ком.

– Он был так хладнокровен, а судя по тому, с каким знанием дела причинял боль, для него это не впервые.

Тони бросает на меня сочувственный взгляд, от которого я снова чувствую себя глупой и наивной тринадцатилетней девочкой.

– Он убийца. Отец моего ребенка – безжалостный убийца.

Я прикладываю ладонь к животу и борюсь со слезами.

– Поверить не могу, что ты переспала в Вегасе с Беном. – Тони сигналист, сворачивая с шоссе к аэропорту. – Я знал, что ты по нему сохла, когда с ним встречалась Саския, но понятия не имел, что ты по-прежнему поддерживаешь с ним контакт.

Боже. Я и не подозревала, что это было так очевидно. Неужели все знали, что я была от него без ума?

– Я не поддерживала.

Я без утайки рассказываю Тони все, что произошло в Вегасе.

К тому времени как мы останавливаемся на парковке аэропорта Кеннеди, он бледен как призрак.

– Сьерра, – он почти до боли сжимает мои плечи. – Никому не говори кто отец. Никому. Ни Бону. Ни твоему отцу и никому из семьи. Предупреди Эсме и Пен, чтобы они тоже держали рты на замке.

– Поверь, после того, что я сегодня видела, меня не нужно убеждать.

– Сьерра. – Он слегка повышает голос, и вид у него не на шутку встревоженный. – Я серьезно. Это не должно выйти наружу. Иначе ты и твой ребенок окажетесь в немыслимой опасности.

– Ты меня пугаешь.

– Так и надо. Это опасные люди, которые живут в темном мире, где мало правил, кроме верности и приверженности семье. У опасных людей всегда есть опасные враги. Если кто-то узнает о тебе, то может использовать тебя против него.

– Никто не узнает. Я унесу тайну в могилу.

– Обещай, что не будешь рисковать. – Он сверлит меня взглядом.

– Не буду. Теперь дело не только во мне. – Я поглаживаю живот. – Я не буду рисковать ребенком и сделаю все, что в моих силах, ради его или ее безопасности.

– Знаешь, если я когда-нибудь женюсь, мне бы хотелось иметь такую дочь, как ты. – Он целует меня в щеку. – Твой отец очень плохо к тебе относится. Ценит не то, что следовало бы. Что бы ни произошло, всегда оставайся собой.

– Очень похоже на прощание, – настороженно замечаю я.

– Я никогда не нарушал данного тебе слова, Сьерра, и не хочу нарушать сейчас, но я знаю слишком много. Возвращаться с тобой слишком опасно. Так что наши пути расходятся.

– Что ты имеешь в виду? Почему мне кажется, что я многого не знаю?

– Ты правда многого не знаешь. Мне хотелось бы рассказать, но это небезопасно. Поверь, тебе лучше не знать.

– Незнание – это слабость, если это означает, что я не могу защитить себя. Знание – сила, Тони, и если мне что-то нужно знать, то скажи.

– Единственное, что тебе нужно знать, так это то, что Беннет Маццоне – источник неприятностей. Он тебе не подходит, и тебе нужно держаться от него подальше.

В небе летят самолеты, напоминая о том, что я могу опоздать на рейс.

– Тебе пора, – говорит Тони. – Не пропусти свой рейс.

– Ты мне в самом деле ничего не расскажешь?

– Так будет лучше, – качает он головой.

Я способна признать поражение, и я доверяю Тони. Я знаю, что он принимает мои интересы близко к сердцу. Дерьмово, когда тебе не говорят правды, но у меня нет выбора.

– Мне не по душе, когда я остаюсь в неведении, но больше не будем об этом. – Я достаю из сумочки толстый коричневый конверт в пленке и протягиваю ему. – Это тебе. Пятьдесят тысяч – все, что мне удалось достать по-быстрому, но это поможет тебе некоторое время удержаться на плаву.

– Я не хочу твоих денег. – Он отталкивает мою руку.

Я тычу конвертом ему в грудь.

– Возьми, Тони. Они тебе понадобятся.

Ему теперь нельзя оставаться в Нью-Йорке. Слишком рискованно после того, как он уложил пятерых. Я все еще не могу в это поверить. Тони и мухи не обидит, а тут убил пятерых как матерый киллер.

Неужели всех?

– Я никогда на самом деле не знала Бена и, наверное, тебя тоже никогда по-настоящему не знала. – Я стараюсь сохранить в памяти его лицо, потому что практически уверена – мы больше никогда не увидимся. – Но кем бы ты ни был, я знаю: все, что ты сделал, ты делал ради моей защиты, поэтому спасибо тебе. Спасибо, что защищаешь меня и моего нерожденного малыша.

– Надеюсь, ты знаешь: для меня было честью защищать тебя. Честью – наблюдать, как ты растешь. Жаль, что наши пути вот так расходятся.

– Мне тоже, – шепчу я, изо всех сил сдерживая эмоции.

Гормоны из-за беременности выбивают меня из колеи, страшно представить, что со мной будет в ближайшие месяцы.

– Будь сильной, Сьерра, – Тони обнимает меня. – И береги себя.

Глава 14

Сьерра

Свернув и спрятав коврик для йоги, я вытираю слегка вспотевший лоб и смотрю в окно моей спальни на сад, разбитый за домом. С затянутого унылой пеленой неба падает дождь, покрывая толстым слоем воды кусты, цветы и другие растения. Красиво. Чикаго словно купается под огромным общим душем. Я бы нарисовала этот пейзаж, если бы не готовилась к традиционному воскресному семейному ужину. Может, я чудачка, но я люблю дождь и снег и предпочитаю проводить каникулы в холодном климате.

Я бросаю в рот витамины, снимаю одежду для тренировок и иду в душ. Намыливая тело и промывая волосы, спокойно прокручиваю все в голове.

После поездки в Нью-Йорк прошла неделя, в течение которой я воплощала свои планы. Вещи уже упакованы и лежат в моем внедорожнике. Осталось взять предметы первой необходимости из гардероба и из студии. Все остальное можно купить. Я сняла в городе неподалеку от Лойолы маленькую квартиру, в которой проживу некоторое время.

Высушив феном волосы, я надеваю красное облегающее платье и обуваю черные лабутены. Возникает искушение нарисовать большую алую букву «А» и прицепить к груди, но не думаю, что такой юмор оценят.

Я выхожу в парадную гостиную, где уже собрались мои сестры с мужьями. Элиза играет на ковре у ног Серены, склонив над куклой милую темную головку. Теперь я жалею, что не проводила с племянницей больше времени, когда она была младенцем.

Стоило забыть разногласия с Сереной и предложить помощь. Хотя с Саскией мои отношения всегда были напряженными, с Сереной мы никогда не ссорились, просто не были близки.

Серена предпочитала общаться с Саскией, потому что они ближе по возрасту. Меня же с Саскией разделяют восемь лет, и пять – с Сереной. Я была еще маленькой, когда они стали подростками, так что меня естественным образом не включали в компанию. Тем не менее Серена никогда не обращалась со мной так жестоко, как Саския. Скорее, рядом с ней в детстве я чувствовала себя невидимкой, а став взрослой, не пыталась сблизиться. Однако отношения – это палка о двух концах, и теперь я понимаю, что никогда не пробовала подружиться с сестрой. Надеюсь, когда-нибудь я это исправлю.

– Почему ты всегда приходишь последней? Каждое воскресенье одно и то же, – Саския устремляет на меня пронзительный взгляд зеленых глаз. Терпеть не могу этот плаксивый покровительственный тон, с каким она всегда обращается ко мне. – Ты живешь здесь, тебе не нужно ни о ком заботиться, кроме самой себя, поэтому у тебя нет оправданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.